

СТАНИСЛАВ ТРИПОЛЬСКИЙ

ВЕЧНЫЙ ХРАНИТЕЛЬ

КРОВЬ КЛИНКОВ

КНИГА 1

18+

Станислав Трипольский

Вечный хранитель.

Кровь клинков

<https://litres.ru/74427534>

SelfPub; 2026

Аннотация

Миры Замкнутой круговерти существуют в самых агрессивных условиях нашего космоса, где перевернуто само представление о жизни и идёт борьба за каждый новый день. Именно из тех пределов в наш земной мир перенеслась часть мёртвого инопланетного города. Люди, то погибали немыслимой смертью, то сходили с ума, познавая чужое место, где даже отражаемый свет и воздух оказались для них нетипичны. Но пока русские и китайские агенты, военные, учёные грызли гранит инопланетных наук, в наш мир пришли лучшие воины из иных миров, чтобы сразиться... Нет, не с людьми — друг с другом, дабы заполучить одного иномирца. Того, кто рос бок о бок с людьми, считая себя человеком; того, кто не помнит своего истинного предназначения, но начинает осознавать, что его могущества хватит, чтобы встряхнуть всю Замкнутую круговерть. Какова будет роль людей в столкновении двух инопланетных сил? Кто, а главное — как, готов отправиться навстречу судьбе в испепеляющие объятия Замкнутой круговерти?

Содержание

Пролог. Или... Начало бесконечного.	4
Глава 1. Прибытие.	6
Глава 2. Тэа таримор!	36
Глава 3.	90
Душа, одна на двоих	90
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Станислав Трипольский

Вечный хранитель.

Кровь клинков

Пролог. Или...

Начало бесконечного.

Что такое истории? Людской разум привык видеть их как отрезки событий во вездесущем времени, у которых есть начало и конец. Но что если взглянув на звёзды вдруг осознать суть бесконечности и понять, что у настоящей истории жизни нет конца. В моей родной галактике Мирнор, в сонме звёзд Замкнутая круговерть, так и принято рассуждать.

Моё приветствие и почтение к тебе Дэллон! Имя мне Элват, я малое существо-проводник из Замкнутой круговерти, это место среди звёзд, где потоки энергии бурлят нескончаемыми океанами. Здесь нет привычного течения жизни коим богаты твердины людей. Миры в Замкнутой круговерти, живут порой там, где не мыслимо существование самой жизни, среди гигантских звёзд, окраин чёрных дыр, или вовсе отсутствия всякого небесного светила. А некоторые миры

невозможно описать словами, по крайней мере у меня нет такой возможности, ведь я всего лишь малое существо-проводник, но у тебя Дэллон это конечно получилось бы. Даже больше, твоих сил хватит, чтобы всколыхнуть здесь всё. Сейчас ты далеко от своей родной Замкнутой круговерти, спрятан в мире и тихой гавани людей, но настал час, когда мне велено призвать тебя обратно.

Будь осторожен мой друг, к тебе идут два воина: белый и тёмный, в их руках живые клинки выплавленные из крови давно погибшей звезды, пока опасайся их обоих. И больше всего – белого, а тёмный, я верю, станет тебе другом.

Все истории в замкнутой круговерти не имеют своего конца, вот уже очень давно, но только не твоя Дэллон, она должна закончиться здесь и... спасти нас.

Я, Элват, малое существо-проводник, открываю для тебя врата Замкнутой круговерти...

Глава 1. Прибытие.

Глубокая тишина древних тибетских гор была внезапно нарушена появлением вертолѐта, дерзко пронзающего сумрачное небо своим стремительным полѐтом. Ритмичный рокот моторов и свист ветра, разрезанного вращающимися лопастями, пробуждали диких существ вокруг, заставляя животных поднимать испуганные взгляды к небесам, удивлённо наблюдая за громким чужаком, пересекающим облака.

Первые робкие солнечные лучи, едва вырываясь из-за величественных горных вершин Тибета, медленно опускались на долины, осторожно касаясь поверхности мягкой щѐткой рассвета. Свет распутывал тѐмные сети ночи, освобождая простор для нового дня и давая дорогу ярким песням просыпающихся птиц. Лишь временами гармонию звука нарушал глухой гул вертолѐта, неуместного здесь, среди первозданной красоты природы.

Солнечные блики, просочившиеся сквозь узкое оконце вертолѐта, нежно коснулись черт лица дремавшего пассажира, с виду не чем не отличавшегося от остальных людей, но со странным не земным именем – Дэлн, правда со знакомой фамилией – Островский. В миг когда сознание только начало высвобождаться из цепких рук сна стоя между забытием

и реальностью к Дэлну пришло одно странное наваждение – рваные несвязные события, сначала горящий конверт, за ним воин в тёмном плаще и чёрным, угольным клинком в руке, свет водопадом льющийся с небес, а из него вырывается белый воин–призрак и мечом пронзая плечо Дэла... и тот будто от боли вскрикнул, но уже в реальности. Впереди сидит напарник Ярослав Платонов, в его руке догорает конверт.

– Ты уже прочитал задание. – Пробурчал Дэлн, потирая опухшие веки, – давно ты это сделал? А где мой конверт? Я, что-то не припомню, куда его дел.

Ответа не последовало: Ярослав лишь подарив разочарованный взгляд напарнику покачал головой.

– Что-то неладное творится со мной последнее время, – задумчиво произнес Дэлн, – я вовсе не любитель алкоголя, но сейчас чувствую себя, будто перебрал накануне. Может, это болезнь какая–нибудь одолевает меня?

– Медицинское обследование недавно подтвердило твоё отменное здоровье, – произнёс Платонов ровным голосом, в котором слышалась спокойная уверенность лидера команды.

Изумрудно–зелёные глаза Ярослава, внимательно изучавшие лицо Дэла, источали холодный взор, светло–русые волосы идеально зачёсаны назад аккуратной рукой профессионала.

Островский никогда не упускал из мыслей особое умение своего коллеги и друга соблюдать безупречную органи-

зованность во всём, начиная с причёски и заканчивая работой в подразделении, которое выполняло свою миссию всегда скрытно, точно незаметная ветвистая корневая система дерева, растущая глубоко под землёй.

Именно так и работала вся секретная служба ОГРАС – отдел гипотетических рисков аномальных явлений ФСБ России, сотрудники которой действовали в условиях полной анонимности, сталкиваясь лицом к лицу с самыми необъяснимыми событиями.

Платонов смотрел на своего усталого напарника с таким взглядом, каким опытный наставник смотрит на молодого курсанта, впервые столкнувшегося с трудностью задания.

– Раньше всё было проще, – сказал Дэлн усталым голосом, – нам присылали инструкции стандартным способом, а теперь приходится обращаться к старым методам передачи закодированной почты...

– Кстати, заблаговременно сообщая тебе, что твой конверт уже открыт, прочитан и уничтожен мною, так я избавил тебя от лишней головной боли, – невозмутимо проинформировал Платонов, сбрасывая соринку пепла с рукава костюма.

– Хотелось бы выразить благодарность, но сомневаюсь, уместна ли она, – обиженно ответил Дэлн, вспомнив, как противно было терять контроль над личной информацией, доверенной начальством.

– Нарушение порядка начинается не тогда, когда ты открываешь чужой конверт, а когда кто-то извне получает до-

ступ к личным вещам сотрудника нашего ведомства, — резко подчеркнул Платонов, постепенно усиливая тон голоса, — ты ведёшь себя абсолютно непривычным образом, мой дорогой друг Дэлн, особенно свернув и положив свой конверт в карман штанов, от куда он попросту выпал.

Еле заметная улыбка скользнула по губам Дэлна, до конца осознавшего свою оплошность.

— Что смешного? — Осведомился Ярослав.

— Над собой смеюсь дружище, дуракам везёт, хорошо, что конверт нашёл именно ты. Так что же в нём было написано?

— Слушай внимательно суть нашего задания: несколько недель назад жители деревни Ху лао стали свидетелями следующей аномалии — мощный луч света, как они выразились: «водопадом осыпался с небес»...

Едва Ярослав это произнёс, как Дэлн сразу вспомнил о своём последнем сне.

—... затем они сообщали о том, что горы буквально двигались туда—сюда, растягиваясь в разные стороны. В общем пространство каким-то образом то ломалось, то приходило в норму. Через несколько минут, всё прекратилось. К месту аномального события были направлены военные группы, они провели разведку местности и наткнулись на инопланетный город, его население составляло около двух с половиной тысяч гуманоидных существ... мёртвых. Причина смерти большинства, не установлена. Наша задача провести исследования этого города, выяснить причину его появления и

гибели всего живого там. Пока всё держится в строжайшей тайне...

– Погоди, Яр, – изумлённо перебил Дэлн, поднимая брови, – ты хочешь сказать, что Китай и Россия держат в строжайшей тайне существование целого внеземного города? Упавшего с неба?

– Мы обязаны хранить эту информацию в секрете, на столько, на сколько это возможно, – категорично заявил Платонов, сурово глядя на собеседника, – ни одна сторона не способна предугадать возможных последствий оглашения данной глобальной находки.

Разговор прервал строгий голос пилота:

– Идём на посадку!

– Это ещё не самое интересное, друг мой, – тихо добавил Платонов, поворачиваясь к окну, за которым проглядывалась граница неизвестного города.

Дэлн вместе с напарником обратил взор наружу пытаясь разглядеть очертания приближающейся территории внеземного города, но яркий блеск зданий слепил глаза, вызывая ощущение дискомфорта.

Вертолёт сел на небольшую наспех оборудованную посадочную площадку у подножья города. Взгляд Дэлна скользнул вдоль широкого моря искрящихся бликов – сотни тысяч огоньков приветствовали путников своими переливами, приглашая взглянуть на тайны непостижимого творения.

Степенно щурясь от света Ярослав достал из нагрудного кармана две пары чёрных очков и подал одну из них своему спутнику.

– Здесь свет преломляется по-другому, наши глаза не привыкли видеть такую игру красок, – пояснил он спокойно. – Надевай, это первое достижение наших учёных в области освоения этого города. Мы хотя бы научились смотреть на него.

– Может, он заражён радиацией, или какой-нибудь химией? – озабоченно уточнил Дэлн.

– Будь внимательней к документам, коллега, – коротко отозвался Ярослав, – в следующий раз, когда вздумаешь пихать их в карман брюк.

Надев очки Дэлн наконец смог ясно различить очертания незнакомого города. Архитектурный стиль поражал фантазией и экзотичностью: плавно перетекающие линии восточных дворцов соседствовали с формами русских построек, отчего казалось, будто древние мастера различных культур решили устроить грандиозный совместный проект. Возвышаясь среди улиц, стояли мрачные готические шпили, чьи острые грани навевали мысль о колючих шипах мифических существ.

Некоторые дома вдруг предстали округлыми шарами, вполовину ушедшими в почву, лишённые углов и острых граней. Их фасады расцвечивали причудливые росписи, затейливые барельефы и витиеватые знаки неизвестных алфа-

витов. Дэлн медленно провёл взглядом по одним из рисунков, где существо похожее на льва, только с плоской мордой и густой шерстью запрягало ярмо, а далее появились силуэты гигантских ящеров с уздечками. Ещё дальше раскинули крылья фантастические птицы с цветковыми клювами и гибкими щупальцами, выходящими из голов. Как будто художники создавали невозможные миражи или вдохновлялись жизнью иных миров.

Направив взгляд ниже, Дэлн обнаружил надпись на одной стене. Буквы выглядели странно но от чего-то знакомыми.

– «Тэа таримор», – тихо пробормотал он, прочитывая слова вслух, смысла эта фраза осталась неясной, хотя ощущение узнаваемости вызвало трепет внутри.

Сознание Дэлна вдруг ощутило грань между миром родного края и неведомого пространства, и сердце замерло в тревожном ожидании. Опустив взор под ноги, он увидел ту самую границу воочию, трава известного ему миру планеты Земля, оставалась зеленеющей, а растения похоже принадлежавшие инопланетному городу – мертвы.

Не успел Дэлн задуматься глубже, как властный голос проник сквозь его мысли:

– Доброго дня, российские гости! Капитан Вейж, китайские спецслужбы.

Обернувшись, Дэлн столкнулся взглядом с фигурой восточного мужчины, одетого в военную форму.

Ярослав выпрямился и представился, перекрикивая гул

поднимающегося вверх вертолѐта:

– Ярослав Платонов, агент организации ОГРАС ФСБ Российской Федерации. Это мой напарник, Дэлн Островский. Мы прибыли для совместной работы.

– Дэлн... – задумчиво повторил Вейж пробуя на вкус незнакомое имя, – я правильно расслышал? Может быть Дэн? То есть Денис?

– Вы расслышали правильно, мой напарник обладает редким именем, – пояснил Ярослав.

Капитан Вейж, окинул прибывших гостей оценивающим взглядом.

Глядя на Ярослава и китайского военного, Дэлн заметил невероятное сходство между ними, словно они братья, только живущие далеко друг от друга. Тот же взгляд, та же интонация, решительность.

Капитан Вейж сразу приступил к изложению инструкций, рассказывая об ограничениях, правилах передвижения и мерах предосторожности, а так же о запретах механических часов и компасов...

– ... компасы и механические часы не то, чтобы запрещено использовать – дополнял капитан Вейж, – просто за чертой этого города они бесполезны...

Пока капитан говорил, Ярослав внимательно наблюдал за Дэлном, чувствуя нарастающее беспокойство своего товарища, которое ощущалось даже сквозь его чёрные очки. Пытливый взор Ярослава уловил эту странность Дэла.

– Что случилось с теми людьми, которые первыми вошли сюда? – вырвалось у Дэлна, чувствующего жуткую близость невидимой угрозы.

Вейж пытливо посмотрел на гостя.

– Если вы задали этот вопрос, – отвечал он, – значит уже о чём-то осведомлены, пожалуй, о подробностях позже, следуйте за мной.

– Как ты узнал о том, что первые исследователи и военные прибывшие в город сошли с ума? – Вопросил Ярослав, – эта информация к слову среди прочих была в наших конвертах.

– Я и не знал, – пожав плечами ответил Дэлн, – просто... мысли навяли такой вопрос...

Интуиция Дэлна продолжала настаивать, заставляя его искать скрытую угрозу за каждой архитектурной деталью чужого города, лишь снаружи кажущимся безопасным.

Агенты ОГРАС двинулись вслед за Вейжем внутрь лабиринта инопланетных улочек. Глаза Дэлна задерживались на каждой детали: поверхностях округлых домов-шаров, сверкающих на солнце даже когда их скрывали облака, загадочных знаках и написанной фразе «Тэа таримор».

– А как называется этот город? – Поправляя свисающую на левом плече тяжелую сумку, спросил Ярослав.

– Никак. Точнее, мы не нашли ни единой надписи, указывающей на его название, – холодным голосом ответил Вейж и после короткой паузы добавил – Точнее сказать, надписей достаточно, и буквы чем-то походят на славянские, но наши

языковеды всю голову сломали, чтобы перевести хотя бы одно слово. В общем, кроме трупов человекообразных жителей, несколько были разрублены на окраине города вместе с огромными ящерицами у нас больше ничего нет. Ну, конечно же, пустующие дома, со странными предметами...

– Пойдите, пойдите!

В разговор вмешался Ярослав.

– Раньше в отчётах упоминались только жители умершие предположительно от остановки сердца, без насильственной смерти.

Вейж задумчиво повернулся к Платонову.

– Ах, ну да, вы еще не знаете о наших последних находках. Два дня назад на окраине города нами были обнаружены пять... Э-э... – Капитан замолчал, пытаясь подобрать слова. – Точнее говоря, пять с половиной огромных, длиной по три метра каждая ящерицы и несколько трупов.

– Не понял. Почему пять с половиной ящериц?

Островский в недоумении уставился на Вейжа.

– Дело в том, что было обнаружено пять целых и одна пополам разрубленная ящерица, – рапортовал капитан, – точнее, только ее передняя часть, а заднюю мы так и не нашли. Там же мы обнаружили некоторые части тел человека. Похоже, он ехал верхом на той ящерице. – Тут он немного осекся.

– Сложно, конечно, себе это представить, но в этом городе можно увидеть еще массу сюрпризов. И... – последнее Вейж сказал на пониженным тоне, – много непонятных надписей и вещей.

– Всё как на картине, – в слух размышлял Дэлн, – огромные ящерицы, странные птицы и... Тэа таримор ...

Вейж бросил задумчивый взгляд на Дэлна.

– Вы сказали «Тэа таримор»? Быстро вам удалось прочитать хоть что-то, наши языковеды долго бились над этой парой словечек. Она здесь чаще остальных встречается.

– Вейж, вы говорили про части человека, – вернул Ярослав, –

То есть кто-то расчленил тело?

– Да, – кивнул тот, – эм... возможно, в этих местах пока больше неопределённой, чем явного. Если коротко, правая рука, половина груди и голова лежали совсем рядом с разрубленной ящерицей, все остальное мы не обнаружили.

– Значит, кто-то кроме солдат в городе все-таки есть, – заметил Ярослав, – и я так понимаю, он не из числа простых мародеров.

Взгляд Вейжа блеснул слегка обиженно, но капитан парировал стоически:

– Я еще раз говорю, сомнений в том, что кто-то другой контролирует хоть сантиметр этого города, нет. А разрезанное тело мы обнаружили почти сразу после... – Тут голос

Вейжа приобрел легкий оттенок неуверенности... – некоторых аномалий.

Ярослав настойчиво перебивая собеседника снова стал спорить с капитаном, но Дэлн их уже не слушал...

Островский шел по улице чужого города, оставляя следы на неестественно сером песке, взирая на стройные ряды одноэтажных зданий то овальной, то шарообразной формы. Встречались статуи, изображающие воинов в длинных плащах и с мечами в руках. Эти фигуры невозможно было не заметить. Все здания вокруг имели сероватый оттенок, а застывшие образы воинов отлиты из черного как уголь металла и издалека походили на тени.

Глядя на пустующие улицы чужого города, ощущение опасности, которое Дэлн испытывал, стоя перед порогом этого места, нарастало.

Островский не знал этого места и что он здесь будет делать. И не понимал, откуда возник этот леденящий душу страх. Ничего подобного Дэлн раньше не испытывал, по крайней мере, в те годы, которые помнил себя после амнезии. По долгу службы ему часто приходилось сталкиваться лицом к лицу со смертью, но, несмотря на страх, Дэлн не терял здравомыслия, что позволяло ему выжить в нелегких ситуациях. Неожиданно Островскому стало казаться, что опасность кроется за каждым поворотом безжизненных улиц, в домах, угольно-чёрных статуях, трещинах неизвестных сооружений, за издающими жалобный скрип раскачиваемыми

ветром дверьми. Однажды Дэлну привиделось, будто кто-то промелькнул в окне одного из домов, но он почему-то не придал этому значения, сочтя происшествие плодом своего воображения. И... среди мертвенно молчаливых улиц, стояло всего одно дерево – живое, оно сильно выделялось среди сухих собратьев, стояло незыблимо и казалось, что смерть убившая здесь всё живое оказалась не властна перед ним. Дэлн заворожено глядя на единственное живое дерево вдруг ощутил непреодолимое желание прикоснуться к нему и даже обнять, ноги будто сами по себе сошли с намеченного маршрута.

– Да, ребята, совсем не курорт у вас тут, – вздохнув, подвел итог Ярослав. – Мы словно попали в чужой мир. – Платонов перевел взгляд уходящего Дэлна. – Эй, ты куда?

– А, – дернулся тот, бросив растерянный взгляд на Ярослава. – Да так, ни куда, просто дерево.

– Ну, да, дерево... - с насмешливой очевидностью сказал Ярослав. – Кажется, я знаю, чего тебе не хватает. – Платонов положил руку на плечо Дэлна.

- И чего же? – Осведомился тот.

– Ты и правда чертовски устал, дружище, и тебе сейчас нужен просто здоровый сон. Пока не стоит даже думать о городе.

– Да, пожалуй, ты прав, – неуверенно согласился Дэлн.

Ярослав удивился чрезмерному испугу напарника, ведь

раньше он не вел себя подобным образом, а если чего-то банально боялся, то непременно скрывал это. Сейчас же Островский выглядел скорее как брошенный в канаву и смертельно напуганный щенок, нежели агент ОГРАС.

– Ну что ж, мы пришли! – объявил капитан Вейж и остановился перед небольшими железными воротами ведущими на площадь, которую плотно обступали примыкающие друг к другу двухэтажные строения, все их двери охранялись военными. Прямо в центре площади возвышалась огромная каменная статуя, изображающая воина. В правой руке величавый муж держал меч опущенный клинком вниз; его лезвие испещрено выбитыми символами напоминающие руны, левую руку, чья длань зажата в кулак воин занёс над собой. Дэлн отметил, что статуя сделана из того же серого ровно обточенного камня, что и окружающие здания, не похожа на те угольные статуи воинов, которыми чернели большинство улиц города.

Осматривая величественную статую Дэлн опустив взор к её подножью, изумился увидев там вместо пьедестала стеклянную клепсидру. Несуразное и дикое на первый взгляд архитектурское решение: массивная статуя стояла на стеклянной клепсидре, но ещё больше в глаза бросалось то, что вода в ней не капала с верху вниз, а просто держалась в верхней части.

– Да, ты правильно заметил, – поймав удивлённый взор

Дэлна заговорил Ярослав, – причина, по которой в этом месте не работают такие простые измерители времени как песочные часы, клепсидры не известна. Пользоваться ими тут бесполезно, песок самым непонятным образом как приклеенный никогда не упадёт вниз, за исключением, если покинуть пределы города.

– Удивительно, – уронил Дэлн. – Я так понимаю компасом можно пользоваться с тем же успехом?

Ярослав молчаливо кивнул.

– Ну хорошо, – выдохнул Дэлн, – пусть так, песочные часы тут не работают, но почему эта статуя стоит на стеклянной клепсидре? С какой целью? Можно даже опустить представление о том, что сама клепсидра очень хрупкая, а эта каменная громада наверняка весит десятки тон, но чтобы сама клепсидра постоянно работала, после того как вся вода стечёт вниз, её нужно перевернуть. Но на ней стоит статуя, значит, её неработоспособность изначально задумывалась. Что скажешь?

Ярослав был погружён в раздумья, но на вопросы Дэлна лишь равнодушно пожал плечами. Платонов никогда не начинал любое дело хватаясь за блистающую на поверхности несуразицу, старался сначала сосредоточившись на главном, думать с позиции рациональности.

– Интересно от чего здесь погибли две с половиной тысячи человек, – рассуждал Ярослав в слух, – допустим компасы не работают из-за странных магнитных всплесков, песок по-

видимому тоже, но предположения на этот счёт не так будоражат внимание, как гибель всего живого здесь...

Дэлн согласно кивнул. Он вернул взор к статуи, прямо перед ней красовались два высохших фонтана сработанных из белого камня, простые на вид, без узоров, но сияющие своей выбеленной чистотой приятно радовали глаз. Окаймляющие фонтаны клумбы с цветами давно завяли, и ветер свободно отрывал от них сухие листья, унося вдаль.

Между домами деловито сновали люди. В кардегардиях и сторожевых башнях обосновались солдаты. Глядя на людей, Дэлн, наконец, обрёл своё долгожданное спокойствие и мог уже уверенно приступить к работе. Лёд тревоги, что сковывал его минуту назад, здесь растаял за секунду. Но об этом Дэлну хотелось думать меньше всего. Включив свою внимательность, он огляделся вокруг и впервые за небольшое время пребывания в чужом городе его взор был твёрд и уверен. Дэлну даже захотелось скопировать взор Ярослава, отречься от ненужных мистических иррациональных мыслей. Думать только о реальном, а если Что-то происходит необъяснимое, не хвататься за него с рьяной и безрассудной тягой постичь сразу целиком.

Правда вопрос, о том почему в клепсидре не капает вода, так и не выветривался из головы.

Цепкий взор Дэлна заметил на клепсидре тонкие бардовые линии, с первого взгляда походившие на трещины. Но, приглядевшись, Островский убедился, что это брызги кро-

ви.

– Тут, похоже, кто-то дрался, – констатировал Дэлн.

– Верно заметил, – кивнул Вейж, – перед этой статуей мы обнаружили два трупа: мужчины и женщины. Они лежали друг напротив друга, их руки продолжали сжимать мечи довольно не стандартной формы, а выплавлены они из не типичного металла цвета застывшей лавы. Похоже, перед смертью эти двое дрались такими оружиями.

– Мечами?! – удивился Ярослав. – Не типичного сплава?

– Да, привыкайте к подобным словам, – ровно ответил Вейж. – здесь не типично и незнакомо человеку почти всё, иной раз кажется даже воздух, он словно меняется в городе, как и солнечный свет. Город мы ещё называем инопланетным, но, сами так сказать инопланетяне, ни чем не отличаются от нас людей, ну, разве что, не типичными для нас одеждами, посудой и оружием – мечи, арбалеты...

– Не типичные мечи и арбалеты, – вставил Ярослав.

– Да, – вы быстро учитесь.

– А я себе инопланетян всегда с бластерами представлял, – скривив рот пошутил Дэлн, – ну, такие зелёные человечки.

– Сейчас я отведу вас к полковнику Айго Шану, – продолжал Вейж, – он здесь главный. Потом покажу ваши комнаты, где вы сможете расположиться. Айго Шан знает русский язык так же хорошо, как и я. Поэтому можете разговаривать с ним свободно. Да, и не забудьте про одну особенность. Справа от меня, находится ваш лагерь, ваши исследо-

ватели, и солдаты, а слева – военные народно освободительной армии Китая и учёные. Если вам что-нибудь от нас понадобится, то обязательно спросите об этом у меня или полковника Айго. Всё поняли?

– Так точно!– громко и отчётливо произнёс Дэлн, продемонстрировав свою бодрость и полную готовность к работе.

– Ну что ж, тогда пойдемте, а то полковник нас... – капитан Вейж не договорил, к нему подскочили двое солдат. Один из них спешно затараторил на непонятном для Ярослава и Дэла китайском языке. Военный, занятый переговорами с капитаном, постоянно косился на новых гостей, то и дело окидывая их подозрительным взглядом. Напряжённое лицо Вейжа и тревожная нота в докладе солдата давали понять, что Что-то не так.

– По-моему, на обычный разговор это не похоже, – очень тихо, почти шёпотом произнёс Островский своему напарнику.

Ярослав ничего не ответил, а только слегка кивнул головой.

Наконец, после затянувшегося доклада, капитан Вейж вернулся к агентам из России.

– Что-то случилось? – задал простой вопрос Ярослав.

– Да, случилось, – напряжённо ответил Вейж. – позапрошлой ночью мы все были вновь разбужены странным звуком, похожим на раскаты грома, но небо как водится в таких случаях оставалось чистым от туч. Мы подняли тревогу.

Подобные аномалии уже происходили на окраинах города, но последняя оказалась достаточно мощной. После каждой такой на утро к месту происшествия всегда выдвигался научный отряд в сопровождении военных, для исследования обстановки и вот сегодня уже более суток ни кто из них не вернулся, на связь не выходят.

– Пропали без вести? – холодно спросил Ярослав.

Вейж долго молчал, а потом мрачно кивнул.

– Тут всякое происходило, но исчезновение пятнадцати экспедиторов впервые.

Закончив, Вейж заметил беспокойство теперь не только у Дэлна, но и у его незыблемого напарника Ярослава.

– Их было пятнадцать?! – Изумился Платонов, – И что прямо все так и пропали?

Вейж снова молчаливо кивнул.

– А эти ворота, вокруг лагеря, я так понял сделаны не вами, – понял Платонов, – укрепить бы их. А когда вы собираетесь отправится на поиски пропавших?

– Пока я ничего не могу сказать Ярослав. По крайней мере, это не ваша забота.

– Да нет, я всё–таки думаю и наша тоже, – настаивал Платонов. – Нас послали сюда помогать вам, а для этого мы должны быть в курсе всех событий. Ведь так?

– Ну что же, – отвечал Вейж, – по крайней мере Айго Шан решит, что нам делать. Идёмте, ваш визит к нему как раз кстати.

И, не дожидаясь, когда русские агенты тронутся с места, капитан поспешил вперёд.

Капитан Вейж шёл впереди, его шаги гулко отдавались в длинном коридоре. Гости — Ярослав и Дэлн — следовали за ним. За всё это короткое время никто не проронил ни слова, хотя в голове у каждого роилось множество мыслей.

Внезапно тишину разорвали крики и тревожная, сбивчивая китайская речь, доносившиеся из-за одной из дверей. Капитан Вейж среагировал мгновенно: он рванул дверь на себя и ворвался внутрь, нырнув в бурлящий хаос. Ярослав и Дэлн остались стоять снаружи. Вскоре они увидели, как двое китайских военных силком выводят из кабинета своего товарища. Тот продолжал что-то бессвязно кричать и отчаянно вырываться. В один миг безумцу удалось освободиться, но тут же приклад автомата обрушился ему на голову, заставив наконец затихнуть. Солдат, нанесший удар по своему товарищу, с досадой покачал головой и что-то тревожно сказал сослуживцам на родном языке.

Ярослав и Дэлн приблизились к дверному проёму. Внутри капитан Вейж оживлённо беседовал с мужчиной в военной форме, чью голову украшали редкие седые волосы, черты лица были отмечены глубокими морщинами и рубцами прошлого, словно карта неизведанных земель, хранящая следы множества сражений.

Мужчина наконец заметил гостей и радушно улыбнулся:

— Приветствую вас. Моё имя Айго. Проходите, не стойте в коридоре.

Гости вошли внутрь. Капитан Вейж оставался насторожён, в его взгляде читалась полная готовность к опасности, словно натянутая тетива лука, способная выпустить стрелу при малейшем намеке на угрозу.

Полковник улыбнулся тепло, смягчая ситуацию своим дружелюбием, приглашая гостей почувствовать уют родного дома даже среди чужой земли.

— Итак, — начал Айго, — я буду краток. Не хочу утомлять вас после долгой дороги...

Дэлн лежал в своей комнате, уставившись в белокаменный потолок, перебирая в голове всё произошедшее. Ночь за окном, дикая усталость — довольно приятный коктейль для долгого и непробудного сна, вот только сейчас он совсем не шёл. Островский никак не мог уснуть из-за навязчивых мыслей о городе. Здесь они со Ярославом провели лишь несколько часов, но голова уже шла кругом. Островский стал сильно жалеть, что взялся за это дело, однако отказаться не мог — выполнял приказ государственной важности. После разговора с Айго Шаном Дэлн со своим напарником так ничего нового о городе и не узнали. Военные, расставленные по всему лагерю, вселяли уверенность в защите от непредвиденных обстоятельств, но полное отсутствие сведений о происхождении города вызывало сомнения в любой безопасности. «А

почему я собственно об этом волнуюсь?» – мысленно одёрнул себя Дэлн, – «я ведь и сам стрелять метко умею, в драке смогу уложить многих...». Островский перешёл кну в голове воображаемый тумблер мыслей, стараясь отогнать назойливое и чуждое беспокойство. Сосредоточился на другом: «Так, бесспорно, наши китайские друзья, взявшие под контроль этот инопланетный город быстро сработали. Возвели лагерь в самом сердце этого места, а не на окраине тем самым слившись с ним. Правильно ли это? Поспешно? А может и безумно»?

Островский пытался осознать природу охватившего его неконтролируемого страха, в первое время появления в городе. Впрочем, если отмотать время ещё на денёк назад, то вспомнится ещё одно неконтролируемое ощущение – дикая усталость. На самом деле Дэлн по своему физическому состоянию определённо недалёк от вечно бодрого Ярослава, с не большим отрывом. Но тело Островского в последнее время словно забыло об этом. Изнеможённость росла все последние дни. Дэлн лихо отмотал память назад на десяток лет назад и вот тут–то плёнка воспоминаний будто обрывается – амнезия... Дэлн ни чего не помнил о себе юном, ровно как и детстве, ведь его память оказалась стёртой после автокатастрофы, в которой погибли его родители. Единственное, что сохранилось от прошлого, – его странное имя... Оно больше походило на название некой фирмы, или обрывок какого–то недосказанного слова. А таковым ли оно было изна-

чально? Возможно, его на самом деле зовут Денис, сокращенно Дэн? Вот и капитан Вейж недавно сделал на это акцент. Да, именно так же и называл его лечащий врач клиники, где долгое время находился – некто с амнезией, вдруг поправивший этого врача: «Простите но я уверен, моё имя не Дэн, я Дэлн, да, вроде так...». Быть может, тогда воспалённое после травм сознание начало свою игру, назвав и приняв имя – Дэлн?

«Похоже, я давно сошёл с ума, и с этим придётся разбираться», – заключил Островский.

Слегка упорядочив теснящиеся в голове мысли, он наконец смог выпить успокоительный коктейль сна и отдаться его власти...

Мирную тишину, укрывавшую лагерь, нарушил звук взрыва. Через несколько секунд раздалось еще два – теперь уже сопровождаемые многочисленными выстрелами из автоматического оружия. Дэлн распахнул глаза. Внутри тревожно забурился страх, но уже не было той панической и необъяснимой волны, что охватывала ранее. Тревога оказалась более привычной, сигналившей инстинктом самосохранения – звоночком–предупреждением об опасности.

Дэлн соскочил с кровати и выглянул в окно. Увидев бегущих к воротам солдат, он быстро натянул штаны, достал из-под подушки свой пистолет и снял его с предохранителя, сунул за пояс. Полностью экипироваться не стал, ограничившись бронежилетом. Надел ботинки и кинулся к двери. Та

резко распахнулась. В слабом свете настольной лампы, мерцавшей на тумбе комнаты, Дэлн разглядел Ярослава – с автоматом в руках и в полной боевой амуниции: от солдатских ботинок до каски с тепловизорами.

– Ну что ты копаешься, давай быстрее! – критиковал тот и, оставив дверь открытой удалился.

– Да он, что спит в бронежилете? – вырвалось у Дэлна.

Островский торопливо покинул комнату, миновав длинный коридор оказался на винтовой лестнице, с которой едва не упал.

– Тьфу, ты! Черт! – выругался он. – Здешним строителям разве не объясняли, что такое перила?

Откуда-то из темноты послышался резкий шёпот Ярослава.

– Эй, замолчи там.

Дэлн, осторожно спустившись с лестницы, подошёл к стоящему возле входной двери Ярославу, тот приоткрыв ее наблюдал за всем происходящим на площади сквозь прицел автомата. Шум от выстрелов и разорвавшихся гранат всё никак не стихал. Ярослав снял автомат с предохранителя и, толкнув дверь ногой, выступил наружу, встал в стойку прицелившись в сторону ворот. Ото всюду доносятся крики тибетских и русских солдат.

Метнув руку к нагрудной рации, Ярослав связался с ответственным за ночное патрулирование.

– Сержант Разумовский, доложите обстановку!

– Да что там говорить... – закрипел сквозь помехи голос сержанта, – китайёзы...алют друг друга. Те, которые не наши.... по ходу с города идут...капитан Вейж не отвечает!

– Поясните! Китайцы воюют друг с другом? А наши?

– Да, я же говорю, тут с города идут ещё солдаты, тоже китайцы, наши пока не вмешиваются, мы заняли оборонительные позиции.

– Без особой надобности ни в кого не стрелять, защищайте нашу часть лагеря! Как понял?

– Понял.

Ярослав убрал рацию.

– Что мы стоим? – последовал вопрос от Дэла. – Может всё–таки что–нибудь...

– Ложись! – оборвал Ярослав, в тот самый миг, когда с обратной стороны ворот двое китайский солдат с дикими воплями побежали с гранатами в руках, автоматные очереди собратьев их остановили, но взрывы гранат сокрушили металлические ворота. К слову их так и не успели укрепить.

– Они воюют друг с другом, – рассуждал Ярослав вслух, – в кого же нам чёрт возьми тут стрелять?

Ярослав занял позицию у колонны, палец держал на курке, но стрелять ему пока не хотелось. Дэлн прикрывал позади укрываясь в дверном проёме.

Ярослав вдруг вспомнил себя, когда он только окончив службу по призыву подписал контракт. Довелось ему тогда служить в чужой разрываемой гражданской войной стране.

В то время большинство главарей боевиков были уже давно мертвы, и малочисленные группы бандитов лишь изредка нападали на блокпосты миротворцев. А сама страна возвращалась в мирное время. Но Ярославу никогда не забыть той ночи, когда на его блокпост налетела крупная банда. Натиск был настолько сильным, что первое время молодой Ярослав растерялся не зная, что ему делать, он цеплялся за приказы старших офицеров как за спасительные нити, они для него стали всем и палил без устали не жалея пуль.

Но тут отстреливающийся рядом с Платоновым офицер вдруг упал на спину и больше не пошевелился. Ярослав тут же подполз к нему, тот окровавленными руками держался за простреленное горло и страшно хрипел. Было ясно, что с таким ранением ему не выжить. Глядя на это, Платонов онемел от страха ещё больше и дрожащим голосом спросил: «что мне делать?». Офицер из-за тяжёлого ранения говорил очень тихо но, несмотря на это, Ярослав слышал каждое его слово: «за...нашим блокпостом ...деревня...там мирные жители...не пропусти...это приказ...». Последнее что офицер сделал, это отдал своё оружие Ярославу, потом закашлялся и умер.

Платонов не сразу понял зачем его умерший товарищ отдал своё оружие, но решил им воспользоваться, отложив свой автомат, это к слову придало больше сил. Рукоять оружия офицера будто хранила его тепло, Ярослав это почувствовал, на мгновение ему даже показалось, что оно никогда

не исчезнет. То ли принятый от убитого офицера автомат, то ли последний его приказ стали нерушимыми столпами для молодого сержанта Платонова принявшего на себя командование блокпостом.

В ту ночь Ярослав стал мыслить как командир, стараясь смотреть глазами своих солдат, чувствовать всё вместе с ними, а главное тоже самое он попытался проделать с врагом – чтобы предугадать его действия. Бой закончился к утру, противник остался повержен, оставшиеся бандиты бежали, а Ярослав опустил взор на мёртвого офицера, рядом с ним лежал оставленный Платоновым автомат. В бою Ярославу показалось что переданное офицером оружие и стреляет точнее, но оно ни чем не отличалось от остальных. Вот только в конце Ярослав всё же заметил, что в рожке автомата, который он оставил оставался всего один патрон.

Сейчас Ярослав чувствовал происходящую ситуацию, но что-то сильно выбивалось из привычного контекста.

– И чего же мы будем ждать? – не унимался Островский.

– Не мешай мне! Здесь совсем не тот случай! – Тихо сам себе говорил Ярослав, – совсем не тот...

– Эй, не забывай, что я вроде как твой напарник. И может, ты всё-таки...

– Тихо! – Ярослав поднял голову вверх. – Слышишь?

– Я ни черта не слышу, – равнодушно произнёс Дэлн.

– Да... Всё стихло.

Ярослав продолжал сосредоточенно смотреть через при-

цел автомата в сторону ворот. Стрельба закончилась, но в чью пользу? Наконец, в свете фонаря, освещавшего центральные ворота, появился капитан Вейж в окружении своих солдат. Ярослав опустил автомат.

– Может, спросим Вейжа, в чём дело? – предложил Дэлн.

– Пошли.

Ярослав быстро зашагал к воротам. Островский едва успевал следовать за ним.

За воротами агентов ожидала картина потухшего поля боя. Повсюду лежали мёртвые солдаты, оторванные части тел, форма всех военных была одинакова. Вероятно, именно поэтому часовые подпустили нападающих так близко. Ярослав уверенно шагнул за ворота, где были видны следы от разорвавшихся гранат, слышались тихие стоны раненых, и над всем словно исполинская туша невиданного зверя висел запах гари, оставшийся после разгрома.

Ярослав осмотрелся. Многие солдаты только начали покидать боевые позиции, осторожно, держа автоматы наготове, продвигаясь к воротам лагеря.

Затрещала рация Ярослава.

– На горизонте чисто. – Отчеканил Разумовский. - Нападающие ликвидированы. Приём.

– Я вижу. Приём.

Китайские военные высыпали из лагеря, рассеялись, некоторые получили приказ проверить соседние постройки. Ярослав мысленно отметил, что штурмующим разумнее было бы

вести огонь оттуда, однако большинство рвались к лагерю, будто стремясь погибнуть.

До слуха Ярослава дошла фраза на китайском языке, ни одно слово он не понял, но тон выражал глубокую горечь. Обернувшись на звук голоса, Ярослав увидел стоящего на коленях Вейжа, под которым лежал убитый военный, как две капли воды похожий на него.

– Эй... Что здесь произошло? – подойдя к Вейжу, спросил Ярослав. Однако тот, не отвечая, продолжал смотреть на убитого.

Ярославу никогда не приходилось видеть стального капитана таким подавленным, его вечно несгибаемая стать сейчас поникла. Платонов выдержав короткую паузу всё же повысил голос:

– Я не понял, кому из ваших солдат взбрело в голову в нас стрелять? У вас в лесу мятежники или дезертиры?

Вейж молчал, словно не слыша.

– Подожди, Яр, – попросил Дэлн.

– Ничего не понимаю, – бросил капитан, наконец очнувшись и выпрямившись. – Хотите знать, кто на нас напал? – Впервые за всё время Вейж заговорил чуть возбужденно. – Что ж... Мне это известно. Я знаю, сколько большинству из них было лет, их имена, увлечения, темперамент, если вас это интересует. А четыре дня назад я пил чай с одним из них и рассуждал о том, какое имя его новорождённому сыну лучше дать. Я предлагал Ронг, но он настаивал на Веймине...

Вейж держался по-военному твердо, но чувствовалось, как внутри него вскипели гнев и горе.

– Помните, я вчера вам рассказывал, что у нас недавно исчез разведывательный отряд военных? – продолжил Вейж.

– Конечно, помним, – кивнул Дэлн.

– Так вот, они всё-таки вернулись, – тяжело вздохнув, ответил Вейж, – вернулись и напали на нас. Убив часть своих сослуживцев, часть ранив, погибли сами. И я совершенно не представляю, почему они это сделали... – взгляд Вейжа вернулся к лежавшему у ног солдату, – зачем и мой брат это сделал...

Капитан умолк, наступившая тишина превратилась в спонтанную минуту молчания.

– Свечение! – первым нарушил затишье Дэлн. Произнёс он это настолько громко, что заставил вздрогнуть ближайшего солдата. – Вы ведь послали проверить место, где видели странное свечение. Верно? Это аномалия, думаю, в ней дело.

– Мы это выясним, – твёрдо изрёк Вейж, наконец возвращая свою непробиваемую оболочку уверенного командира, правда теперь на ней навсегда остался ещё один шрам, но самый заметный и большой.

Глава 2. Тэа таримор!

Дэлн, возвращаясь к себе в комнату, почувствовал, как упорно ждущая своего часа дикая усталость брала свое, адреналин окончательно покидал кровь, уступая место забвению. Мысли в голове Дэлна крутились без числа, но сознание всё глубже вязло в липком желании скорее уснуть. Последний отблеск отражённой реальности угас в глазах – и Дэлн погрузился в сон.

И вдруг он услышал детский голос: «Тэа таримор!» – произносит кто-то восторженно и приветливо. «Тэа таримор!» – повторяется снова и снова. Дэлн на мгновение словно очнулся – то ли в реальности, то ли во сне – и резко осмотрелся вокруг. Комната была пуста. Но стоило её обитателю сомкнуть веки, как вся реальность, томившаяся в плену сознания, ожила, появились странные картины, образы, а над всем господствовал голос: «Тэа таримор, к тебе Тэа таримор!». Голос был двигателем всего происходящего.

Дэлн оказался невольным зрителем видения чужого города. Первым делом перед мысленным взором возник дом с игольчатой крышей, куда Дэлн падал сверху. Без всякого страха оказаться проткнутым острыми шипами он опускался, словно заранее знал, что штыри не нанесут ему вреда. Иглы приближались вплотную, Дэлн сохранял спокой-

ствие, ожидая исхода своего полёта. Когда тело слегка коснулось острых вершин, оно начало вращаться спиралью, набирая скорость подобно снаряду в стволе винтовки. Быстро набрав бешеный темп вращения, Дэлн вдруг увидел, как его тело теряет форму сливаясь с бурлящей вокруг энергией. Он устремился навстречу океану, который ожидал где-то далеко среди звёзд, погружаясь в бесконечное пространство, ощущая одновременно чуждые и родные отзвуки проникающих сквозь незримые стены амнезии.

«Тэа таримор! К тебе Тэа таримор, Дэлн! Как же я рад тебя снова увидеть, мой дорогой друг и я счастлив сообщить, что ты скоро проснёшься. Меня зовут Элват, ты же помнишь? Наверное, пока нет, магистр правой руки Дэлькорн просил пока не будить тебя. Ведь ещё не время. Спи, а я подготовлю твоё сознание к правде о том, кто ты есть. Знаешь ли, правда о себе самом часто бывает такой... мучительной, бесконечно мучительной. А я не хочу, чтобы ты страдал. сё начинается где-то, Дэллон. Даже истории, которым на первый взгляд нет конца, подчиняются этому закону. И вот один из витков этой бесконечности отметил рождение нашего мира, а точнее — его осколка, некогда бывшего частью одной большой твердыни...

Мы живём или существуем в Замкнутой круговерти, на самом дальнем и диком рубеже космоса. Наши захоlustье полно легенд и мифов, верить которым или считать вымыслом — каждый решает сам. Сейчас у нас принято говорить,

что мы обитаем не в целом мире, а лишь в одном из осколков некогда величественного Маргелоса.

Правил им когда-то Виатор — высшее создание, какое только могло появиться во всех пределах Замкнутой круговерти. Он был влюблён в звезду Клансорию, что согревала Маргелос своим светом. Да, она была особенной тем, что могла мыслить, чувствовать и говорить. Звезда, обладающая сознанием... Говорят, даже для самого Виатора оставалось тайной её происхождение.

Клансория ответила взаимностью на любовь величественного правителя. Вскоре их союз позволили родиться на свет чадам, каких Маргелос ещё не видывал. Они унаследовали безграничную силу родителей, но оказались скудны умом. Не смог разглядеть этого Виатор, слепо веря, что его потомки станут такими же славными правителями Маргелоса, как и он сам.

Пятеро детей Виатора и Клансории затеяли междоусобицу. Содрогнулись тогда небеса и твердьни под гнѐтом Пустой войны. Маргелос стал трещать по швам. Клансория, светившая ему долгие века, не вынесла безумия собственных детей. Погибнув, звезда пала с небес на землю и все реки залились её кровью, а от удара раскололся Маргелос на пять частей, которые разнесло по разным уголкам галактики.

Разгневался Виатор на своё неразумное потомство и сделал каждый из осколков Маргелоса миром-тюрьмой для своих чад.

Дочери Арколии досталась мир-тюрьма, или третий осколок Маргелоса – самый прекрасный, но тёмный из всех. Он был слепцом по среди драгоценностей, имея их в собственности, но не обладая возможностью созерцать. Вместо серой твердыни Арколия устлана алмазами и кристаллами, даже воду там именуют хрустальной. Но у этого мира нет собственного небесного светила, ему предрешено блуждать, не имея орбиты. Только кристаллы дарят этому миру слабое свечение и скудное тепло, необходимое для жизни среди алмазов и прочих драгоценных камней, достойных короны любого короля. Правда без небесного светила, они не могут являть всей своей красоты.

Хотя в Арколии и нет собственной звезды, жизнь там не прекратилась благодаря особым поющим деревьям. Их безлистные белоснежные ветви повторяя причудливые узоры тянутся к небу, словно верят, что когда-нибудь оттуда прольется свет настоящей звезды – их звезды.

Самому пылкому сыну Виатора по имени Горгонат, как главному зачинщику Пустой войны достался первый и самый опасный осколок Маргелоса. Миру Горгоната вместе со своей звездой досталось место рядом с огромной черной дырой, каждую секунду желающей поглотить его целиком.

Дни в мире Горгоната очень тусклы, несмотря на яркость звезды, ибо часть её света забирает черная дыра, и в любое время суток её сущность видна в небе.

Хватит ли сил первому сыну Виатора удержать свой

мир-тюрьму и тусклую звезду над бездной? Остается неясным, что раньше кончится у Горгоната – терпение или силы. В конце концов, первый сын Виатора мог выбрать себе иную судьбу помимо отцовского наказания и самостоятельно прыгнуть в черную дыру, наплевав на то, что ждет его внутри – жизнь, смерть или вечные мучения.

Второму сыну Виатора Равэнасу достался осколок Маргелоса, или мир-тюрьма прямо у подножия гигантской звезды. Все миры в её власти могли быть только раскаленными твердынями, где вместо рек и морей текут потоки лавы. Однако Равэнас, известный своей несгибаемой волей и глубокой верой в отца, воспринял подобное наказание скорее как испытание, бросаясь навстречу безграничному жару небесного гиганта со всей страстностью и азартом. Впрочем именно так когда-то Равэнас и ослушался отца развязав войну со своими братьями и сёстрами.

Четвертый осколок Маргелоса, ставший тюрьмой для младшего сына Виатора, носил имя Мактол. Судьба забросила его меж двух звёзд близнецов. Это место еще именуют искаженным пятном, некоторые склонны считать так из-за множества мелких черных дыр, часто блуждающих поблизости. Иногда Мактол ещё называют: миром абсолютного непостоянства и сломанной реальности. Пространство там удивительное, почти не постижимое даже для разума самого Виатора. Твердыни в Мактоле очень мало, зато энергии - не сметные широты, от того пространство

ломается в своём привычном облике. Здесь, можно наблюдать дождь из камней, идущий вверх к небу, а после падающий обратно и разбивающийся подобно воде, причём оставаясь камнем. Впрочем, в Замкнутой круговерти нередко возникают и другие странные миры.

О необъяснимых явлениях четвертого осколка Маргелоса можно рассказывать бесконечно, чего нельзя сказать о последнем, пятом фрагменте этого некогда величественного мира.

У Виатора есть безымянная дочь, отправленная отцом в Закрытый мир. Мы называем его так, поскольку проникнуть туда невозможно, да и название неизвестно никому.

Сколько еще осколки Маргелоса вместе со своими узниками и малыми обитателями вроде нас смогут просуществовать, балансируя на тонком канате жизни, дабы не упасть в объятия смерти? Вероятно, не ведает даже Виатор. А сам он уже много тысячелетий восседает одиноко на своем престоле во дворце из света и мглы, прибывая в вечном горе по своей возлюбленной Клансории.

Дэлн очнулся от странного сна, в котором он мысленно совершил путешествие к далёким краям то ли вымышленной, то ли реальной вселенной. Но осмысливать всё увиденное пока не было сил, поэтому с уст сорвалось лишь:

– Какого чёрта, это всё было? Что за мифология далёких миров?

Несколько дней прибывания в чужом городе осталось позади...

Дэлн вновь проснулся в своей комнате. Какое время сейчас текло за окном: раннее утро или позднее? Его пока не волновал этот вопрос. Первая пришедшая в голову мысль была о том, что всё произошедшее за последние дни, это лишь несуразный сон. Станный, нелепый, как мозаика, в которой отсутствовала добрая половина деталей. И не было смысла пытаться собрать её воедино.

Дэлн поймал себя на мысли, что в городе, в котором он оказался, странным было всё: и реальность, и забытие. Каждый свой новый сон, он встречал невидимого друга Элвота который без усталости восторженно рассказывал Дэлну историю неких далёких миров. Островский до последнего верил, что они со Ярославом скоро во всём разберутся и спокойно отправятся домой. Но все эти надежды, были как плохое обезболивающее, успокаивало ненадолго, а вскоре и вовсе перестало действовать.

Дэлн стал прокручивать в пробуждающемся от сна сознании всё произошедшее. Его голова просто пухла от мыслей. Он даже старался не думать о странных снах про правую длань Виатора, далёких мирах, что навязчиво рассказывал некто Элват детским голосом. Правда нельзя было не отметить, что компания с невидимым существом приносила успокоение. Но... если бы Дэлн был лёгким ребёнком, воз-

можно эти встречи принесли ему массу радости, подняли ввысь в облаках детских мечтаний и фантазий, но тяжёлый взрослый ум прижимая рациональностью к земле твердил: «ты похоже сошёл с ума, коли общаешься с невидимым другом-ребёнком». Дэлн пытался сосредоточиться на реальности, но уж больно тяжкое бремя информации ложилось на плечи и здесь.

Дэлн тряхнул головой, попытался упорядочить мысли.

Итак, город, появившийся из неоткуда, где в один миг от чего-то погибли его жители, свечение в лесу, инцидент в первую ночь, когда несколько китайских солдат сначала пропали, а затем напали на лагерь расстреляв своих сослуживцев и... Фраза, которая засела в голове Дэлна как репейник в густой шерсти собаки: «Тэа таримор», потом сны, странные и необъяснимые, встречи там с Элватом, которому к слову невозможно было задать и одного вопроса.

Дэлн, поморщившись, от острой боли, снова тряхнул головой, но все воспоминания в ней были как осколки битого стекла в мешке. И сколько бы Дэлн не перетряхивал их, всё равно им было не суждено собраться в единое целое.

– Чертовщина какая-то! – Отрывисто бросил Островский.

Тяжело вздохнув, он откинул одеяло и встал с кровати. Медленно шаркая ногами, заковылял к умывальнику, мельком заметил весящие на стене часы. Стрелки остановились на отметке в одиннадцать часов двадцать минут.

– Вот это я поспал, – сам себе сказал Дэлн, на секунду замерев в ступоре.

Островский подлетел к умывальнику и стал в спешке приводить себя в порядок. Позади послышался натужный скрип открывающейся двери. Не переставая чистить зубы, Дэлн обернулся и увидел Ярослава. Тот, сложив руки на груди, осмотрел комнату, а затем перевёл взор на друга. Вид у Платонова был как всегда, словно у строгого военного инструктора, стоявшего пред зелёными новобранцами.

«Ну, вот сейчас опять начнёт критиковать и говорить, что я не умею быть собранным», – пронеслось в голове Дэлна. Он махнул рукой Ярославу, как бы приветствуя его.

– Ну, как спалось? – закрывая за собой дверь, спросил тот. Дэлн немного опешил, услышав от Ярослава такой спокойный и простой вопрос.

– Нормально, – vyplёвывая пасту, ответил Островский, – а ты как?

– Отлично. Даже, несмотря на то, что половину ночи я провёл в ожидании того, что кто-то кого-то опять пристрелит. И слушая, как ты бормочешь во сне.

С этими словами Ярослав медленно опустился в кресло напротив Дэлна. Платонов снова осмотрелся. Комната, в которой он сейчас находился, как и всё остальное строение, испускала слабо заметное, сероватое свечение, оно было видно только днём. В голове Ярослава до сих пор не укладывалось то, что всё окружающее (не считая вмонтированной

мойки, кровати и прочего, что установлено китайцами для проживания) выложено из материала чужого мира. Раньше, в комнатах по рассказам капитана Вейжа находили множество неизвестных устройств, вещей: к примеру, на стенах висело нечто похожее на часы, только вместо стрелок шарик, а цифры заменялись символами или иглы... последнее было самым настораживающим, но в тоже время удивительным. В стенах некоторых комнат вырезаны отверстия, в которые вставлялись длинные тонкие иглы, по форме напоминающие серпантин. Сложно себе представить для чего предназначались такие комнаты, возможно для изощённых пыток или для чего-то, что понять можно только будучи гостем из другого мира. В конце Ярослав ухмыльнулся самому себе, уж больно цепляли все эти нелепые мысли о других мирах, в которые он верил едва ли.

Но взглянуть на странные предметы, что находились в местах разбитого людьми лагеря и уже давно изъятых из своих родных мест, всё же стоило, в рамках полноты всех исследований. Но, к сожалению, довольствоваться пока оставалось только чуть мерцающими серыми стенами комнат с дырками, да загадками, которые они за собой крыли.

– Кстати, что ты думаешь по поводу той бойни в ночь нашего первого прибытия? – прервал молчание Дэлн. Он смотрел в зеркало перед собой, где отражался сидящий в кресле Ярослав.

– Точно сказать не могу, – оторвавшись от размышлений,

ответил тот, — но одно тут предельно ясно... — Ярослав, задумавшись, запнулся.

— И что же?

— На внутренние проблемы среди солдат это явно не похоже. Ведь если бы кто-то кому-то здесь не понравился до такой степени, что захотел бы его прикончить, то гораздо проще сделать это внутри лагеря. — Ярослав, покачив головой, уставился в пол. — А нападать снаружи — это явное самоубийство.

— Ну да, — согласился Островский, — наверное, ещё проще и быстрее сразу застрелиться и не создавать столько проблем. Да и вообще, как ты заметил, тут всё на простые проблемы не похоже.

— Согласен. По крайней мере, приблизительно через час мы постараемся хотя бы что-нибудь выяснить о городе, так сказать из первых уст. Может, это нам что-нибудь даст.

Дэлн повернулся к Ярославу и окинул его озадаченным взглядом.

— Ты о чём?

— Я только что был у Айго Шана. Он принял решение прочесать каждый метр этого города и прилегающие к нему окрестности, — рапортовал Ярослав. — Два дня после того инцидента мы сидели как мыши в норах, занимаясь очередной перегруппировкой и теперь Айго Шан сменил тактику — все необъяснимые явления и аномалии проверяются только большими группами и обязательно днём и не более чем за

одну вылазку.

– Понятно, – ответил Дэлн, – а он сообщил своему руководству о потерях? Что, если опять кто-то захочет пустить своему сослуживцу пулю в лоб? Я уже молчу про... – тут Дэлн запнулся, едва не сказав Тэа таримор.

– Не знаю, – покачал головой Платонов и после короткой паузы добавил, – наверняка, сейчас китайское военное командование планирует здесь размещение крупных военных баз, исследовательских центров. Скоро это всё наберёт обороты и завертится так быстро, что уже никого не будет волновать, почему в городе солдаты убивали друг друга, или съезжали с катушек. Поэтому поводу я тебе скажу точно, – Ярослав бросил короткий задумчивый взгляд в окно, – чтобы там не случилось, не среди стана солдат нам нужно искать проблему. Событие тут мирового масштаба, спецслужбы многих стран ещё не подключились полностью, но уже на подходе.

– Да сдался всем этот город! Ну, появился из неоткуда, ну сводит всех тут с ума, напичкан кучей непонятных и бесполезных вещей, аномалий, там, механизмов и что? Да тут даже на стены без солнцезащитных очков не посмотришь, вон как сияют! И неизвестно, чем сияют.

– Не слишком ли вы пренебрежительны, Дэлн Островский? – многозначительно протянул Ярослав. – Как вы думаете, кто будет выглядеть глупо, когда здесь учёные сделают первые открытия. Место тут наверняка хоть и аномальное,

но вполне объяснимое для учёных.

– А умишки то у них точно хватит? – осёкся Дэлн.

Ярослав, устремив свой пронзительный взгляд в напарника, заставил его замолчать, тот всегда удивлялся, коль быстро у Платонова это получалось. Иногда казалось, что Ярославу не нужны слова, чтобы его понимали, особенно, когда он чем-то недоволен.

– Ладно, ладно, – сдался Дэлн, – то, что я говорю, не достойно агента ОГРАС. Я помню.

Выражение лица Ярослава смягчилось.

– Мы здесь не одни, да? – настороженно спросил Дэлн. – В городе кто-то ещё есть.

– И не только в городе, – мрачно добавил Ярослав, прильнул взглядом к окну, – не нравятся мне эти рассказы о вспышках в лесу и... – пауза, – сержант Разумовский докладывал о несанкционированном перемещении в городе. Что ж, разберёмся, где наша не пропадала.

– Я ещё в первый день заметил какого-то человека в доме, правда думал мне это показалось – Вернул Островский и усевшись на кровать, принялся надевать ботинки. Тут из недалёких уголков памяти Дэлна предстали печальные глаза капитана Вейжа, когда тот глядел на своего погибшего брата. Казалось, что по его суровому лицу вот-вот пробежит сле-за, та единственная, которой он мог дать свободу за долгую военную жизнь, но этого не произошло. Словно такому, как Вейж, это запрещено по его собственному не писаному уста-

ву. Островский даже стал немного восхищаться китайским капитаном, его силе духа, хотя и сам мог послужить примером для многих. Дэлн мысленно попытался поставить себя на место Вейжа. Вдруг Островский когда-нибудь так же будет смотреть на своего погибшего друга Ярослава? Сможет ли Дэлн так же стойко и отрешённо отнестись к его потере? Дэлн много чего отдал, только бы никогда не узнать ответа на этот вопрос.

– Эй, ты опять о чём-то задумался? У нас мало времени, – подгонял лучший друг, – нам нужно спешить.

– Да, но я ещё не завтракал.

– Пошли, – махнул рукой Ярослав и поднялся с кресла, – зайдём сначала в столовую, там как раз уже обед. По дороге я тебе ещё кое-что расскажу.

Дэлн встал с кровати и выйдя из комнаты, закрыл дверь на ключ. Платонов шёл быстрым шагом и, Островский, как всегда немного отставал.

– Эй, ты опять куда-то летишь? – окликнул Дэлн.

– Извини. Я всегда так хожу, когда со мной никого нет.

– Ясно. А я значит никто?

Повернув голову, Ярослав ухмыльнулся и сбавил шаг. Дэлн поравнялся со своим торопливым товарищем. Выйдя из здания, Островский увидел привычную рабочую суету в лагере.

– Яр, ты мне хотел что-то рассказать? – вспомнил Островский.

– Да. Когда я был у Айго Шана, то встретил там Вейжа. Он рассказал мне, что сегодня ночью, обыскивая небольшую часть города, один из солдат вновь заметил странного человека. Очень маленького роста, скорее всего это ребёнок...

– А что в нём было странного? – перебил Дэлн. – Может в лесу заблудился и набрёл сюда?

– Ты забыл, в скольких десятках километров отсюда ближайшая деревня? – Ярослав вопросительно поднял брови.

Дэлн молчаливо кивнул.

– До того момента, как с ребёнком или, возможно, взрослым человеком очень маленького роста пытались заговорить, – продолжал Ярослав, – он, озираясь по сторонам, перебегал с места на место, будто что-то выискивая, или скрываясь. А когда понял, что его заметили солдаты, просто исчез... ближе к утру дозорные на крышах видели ещё двоих человек. Те вели себя более странно, чем тот коротышка, с полчаса они будто на правах хозяев стояли на одном месте на окраине города.

– Вот как, – Дэлн удивлённо поднял брови, – может мародёры. Ах, да, ты же упоминал про спецслужбы других стран.

– Это вряд ли, – ответил Ярослав, – те двое вели себя как дома, они не могли не видеть вышки с солдатами. И будто зная, что по ночам военные больше не покидают лагеря, сами частенько разгуливали по городу.

– И всё-таки моё предчувствие меня не обмануло, – заговорил Дэлн, – тут действительно пахнет чем-то дурным.

Да, но хуже всего, то, что мы здесь не одни. А по рассказам солдата, который повстречал в городе маленького чужака, тот неплохо ориентируется в здешних закоулках, в отличие от нас. Ведь, как я понимаю, до сих пор того низкорослого незнакомца не поймали, как и других двух подозрительных личностей. Но что ещё больше удручает, так это то, что никто и понятия не имеет какого лешего тут творится. В целом, я имею ввиду.

– Да уж, – нехотя согласился Ярослав. – Как не странно, но ты оказался прав. Тут всё неясно, как Тэа таримор.

Дэлн остановился как вкопанный, его ноги будто пригвоздились к земле, по спине пробежал лёгкий холодок, а мысли отозвались болезненными словами, теми самыми, что уже начинали сводить с ума.

– Да, я сказал это, – загадочным холодным тоном проговорил Ярослав, – ты повторял эти слова всю ночь, и много чего говорил неразборчиво, про каких-то непонятных, существ, но я почему-то запомнил только два этих слова. «Тэа таримор! К тебе Дэлн, Тэа таримор!» Уж прости, я не мог этого не слышать, мы ведь спим через стену, а они в нашем обитаеще тонкие.

Два боевых товарища, стоя посреди лагеря, смотрели друг другу в глаза, и каждый из них искал ответы на вопросы, лучи солнца держали их двоих в ясном свете, а всё остальное вокруг будто потускнело. Небесное светило в этот миг словно прильнуло всем своим необъятным вниманием к Дэлну и

Ярославу.

– Как твоё самочувствие, Дэлн? – спросил друг. – до недавнего времени ты был сам ни свой.

Впервые Дэлн сегодня задался тем же вопросом, он, вспомнив о бывшей необъяснимой тревоге, бросающей в жар, заглянул в себя поглубже. Нет, она не ушла, Дэлна по-прежнему не отпускали её жгучие клещи, но сегодня он будто стал привыкать к ней.

– Всё в порядке, – отвечал Дэлн, понимая, что Ярославсию минуту разгадает недосказанность и ложь.

– Ты слишком сильно отрываешься от реальности, когда разгадываешь тайну города. К чему было так яро запоминать бред умирающего брата Вейжа? – Ярослав испытывающее смотрел на друга, – чтобы ночью как заведённому это повторять.

– Какой ещё бред? – осведомился Дэлн.

– Тэа таримор! К тебе, Вейж, Тэа таримор! Это последнее, что он сказал брату перед смертью и ты, похоже, услышав, принял фразу за что-то важное. Я узнал об этом от самого Вейжа и не слышал от его брата ни каких речей. Дэлн, я прошу, соберись, сначала ты и приближаться не хотел к городу из-за мнимой радиации, потом тебе едва ли не чудовища из сказок мерещились на каждом углу, а теперь ещё и это.

– Дружище... – уронил Дэлн напряжённо, – когда мы подошли к Вейжу, его друг был мёртв, я не мог что-то слышать от него, я ни чего не слышал, как и ты. Фразу Тэа Таримор

я, прочитал, ты же помнишь, когда мы входили в город.

Ярослав, и без того всегда статно держащий осанку, выпрямился ещё чуть-чуть, словно в спину получил удар.

– Значит, сам того не понимая, ты это услышал, – подытожил он спонтанно. – да, я помню, как ты прочитал эту фразу в день нашего прибытия, но она звучала как: Тэа Таримор и всё, а продолжение: к тебе Тэа Таримор сказал умирающий брат Вейжа и вроде как ни кто самого капитана это не слышал, ну, или кроме тебя.

– Я не понимаю к чему ты клонишь, – объяснял Дэлн, – но... – он вздохнул, – ладно, в общем продолжение я похоже услышал в своём сне, у меня уже мозг взрывается от того, какие видения ко мне приходят по ночам.

Дэлн замолчал, вскинув взгляд на друга, тот продолжал слушать весь во внимании, напряжённо, словно этого и добивался от своего напарника.

– Короче, – продолжил тот, – я слышу голос одного человека, вроде и он мне рассказывает о других мирах, их историю, мифы, тут у меня такие уроки по ночам...

– Чтож времени у нас хоть и мало, но есть, после обеда мне всё расскажешь – сосредоточенно оповестил Ярослав.

День уплывал прочь, оставив после себя лишь призрачные тени воспоминаний, мерцающие где-то глубоко внутри сознания Дэлна. Ярослав после обеда как и обещал, потребовал у друга содержательный рассказ о своих снах. Остров-

ский заметил, сколь меняется его напарник с каждым днём, он всё меньше и меньше критикует Дэлна, но больше наблюдает, будто изучая поведение.

Сам лагерь кипел лихорадочной активностью, жизнь здесь неслась вперед подобно реке, вздувшейся от весенних паводков. Среди этой круговерти военные специалисты вновь и вновь склонялись над грубо нарисованными планами, готовясь провести загадочную операцию «Тройной поиск».

Учёные же ломали головы, хватая воздух руками, перед простейшими, казалось бы, вопросами: отчего светится таинственный город? Почему солдаты теряют рассудок быстрее, чем моргнёшь глазом? Две с половиной тысячи погибших жителей словно вычеркнули из общей картины, оставив забытыми цифрами статистики. Люди были поглощены насущными проблемами, словно мотыльки кружат возле огня, боясь взглянуть в пустоту чёрных теней прошлого.

«Мозгов маловато!» – привычно ворчал Дэлн, будто единственный обладатель истины, и тут же ловил недовольное бурчание Вейжа, главного стратега.

Сам город, будто живое существо, незаметно скользящее мимо людских забот, оставался чуждым наблюдателем всей суеты. Его улицы наполнялись невидимыми гостями, ежедневная потеря разума бойцов росла числом. Вода в водяных часах замерла неподвижно, отказываясь проливать капли секунд – знакомая клепсидра, мимо которой каждый день проходили обитатели лагеря оставалась загадкой, но лишь

одной из тысяч других.

Все люди в чужом городе походили на путников, затянутых в поезд безумия, несущийся вперёд с головокружительной быстротой, хотя направление движения оставалось неизвестным никому. Люди мечутся между штаб-квартирами и палатками, отчаянно пытаются ухватиться за что-нибудь осмысленное, но напрасно. Даже опытный Ярослав и умудрённый годами капитан Вейж порой выглядели беспомощными, сбившимися с пути.

В этот вечер лагерь как и всегда погружался в тревожную тишину. Ночные дозоры наблюдали за перемещениями таинственных существ, которых к слову стало гораздо больше, чем ранее.

На следующий день прилетали вертолёты, привозя новых людей, численность военных удвоилась. Возникли планы строительства защитных стен и укреплений, но местность оказалась столь сложной, что строительство застопорилось. Исследователи продолжали сообщать командирам о мистических происшествиях, происходящих вокруг. Однажды вертолёт внезапно остановился в воздухе, резко потеряв высоту. Пилот чудом восстановил контроль, избежав катастрофы. А причиной всему стала обычная трубка, которую перевозили в вертолёте.

Утро следующего дня для Дэлна началось с долгожданного чувства перемен.

Он стоял возле ворот в ожидании Ярослава и группы, с которой ему предстояло осмотреть восточную часть города.

«Сегодня – день начала операции „Тройной поиск“, – объявил Вейжу и Ярославу Айго Шан.

Дэлн, сливаясь взглядом с улицами, домами овальной формы, снова ощутил чужеродную энергию этого места. Каменные здания блестели на солнце настолько ярко, что создавали удивительную феерию оттенков серого цвета, который то тускнел, стоило облаку закрыть солнце, то вновь вспыхивал, едва солнечные лучи касались стен. Но именно это место отталкивало Дэлна сильнее всего, он это чувствовал наверняка.

Его грудь сдавил тяжелый вздох, словно на сердце легла гиря, а разум обратился в пленника, умоляющего о спасении. «Прошу тебя, избавь нас от таких мучений, уйди отсюда, просто исчезни... Беги, неважно куда, неважно как...» – такими были сумасшедшие мысли Дэлна.

Островский поднял взгляд к небу, устремляя взор к солнцу – древнейшему и всевидящему творению созерцающего этот мир. Нашупав в нагрудном кармане специальные защитные очки, Дэлн надел их. «Что же со мной происходит? – мысленно вопрошал он у небесного светила. – Даже один день выдержать невозможно, хотя другие солдаты с гораздо меньшей психологической устойчивостью живут здесь дольше недели». Едва эта фраза промелькнула в сознании, Островский перевел взгляд на песок.

На земле лежал высохший бутон цветка. «Он один здесь не сверкает, как всё вокруг», – подумал Дэлн. Цветок походил на – розу. Да, определённо это оказалась самая простая земная роза. Лицо Островского осветила улыбка при виде знакомого растения, и он осторожно поднял его с земли. «Наверняка занесло тебя сюда ветром из далёких лесов или полей Тибета», – беспечно рассуждая, улыбался Дэлн. Он несколько раз переводил взгляд между сухими деревьями города, слабо отражающими свет солнца, и цветком, на который можно было спокойно смотреть без специальных очков. «Наш свет чужд этому месту, вот оно и отвергает его столь резко» – понял Дэлн.

Возможно, эту фразу Островский произнес вслух.

– Ты что–то сказал?

Дэлн оглянулся. Перед ним стоял Ярослав и трое солдат в российской военной форме.

– Свет, – задумчиво ответил Дэлн. – Этот город каким–то образом привык к свету другой звезды. Поэтому он не правильно отражает наш привычный, солнечный.

Ярослав лишь пожал плечами.

– Отличная мысль, – равнодушно заметил он, – обсудим позднее.

Обратившись к стоящим в строю солдатам, он продолжил:

– Познакомимся? – Предложил Ярослав.

Впервые за всё пребывание в лагере Дэлн поймал себя на мысли, что кроме своего напарника среди российских воен-

нослужащих никого не знает.

– Младший сержант Иван Разумовский, – представил Ярослав наиболее рослого и крепкого солдата. Сделав шаг вперед, тот едва ли не заслонил собой двоих остальных товарищей по оружию. – Рядовые Виктор Астахов и Денис Захаров.

Дэлн внимательно осмотрел каждого из трёх бойцов. Несмотря на уверенный вид и хорошую физическую подготовку, все выглядели довольно юными.

– Сколько им лет? – негромко поинтересовался Дэлн.

– Виктору и Денису по двадцать три года, а Ивану – двадцать пять.

– Молоко на губах ещё не обсохло, – усмехнулся Островский.

– Да ладно, они бывалые воины и прекрасно выполняют свою работу.

– Кто знает, кто знает, – покачал головой Дэлн. – Те задачи, с которыми сталкивается наше отделение ОГРАС едва ли можно решить метким выстрелом или...

– Метким выстрелом можно решить многое, – парировал Ярослав – никаких сомнений! – твёрдо подчеркнул он, демонстративно положив автомат на плечо.

– Да, – подал голос Иван, – если ещё прибавить дроны... эх... жаль они здесь не работают. Впрочем метких выстрелов и холодной головы нам хватит.

– Минутку, – Дэлн настоятельно подняв указательный па-

лец оценивающе оглядел группу солдат, – а это весь наш отряд? Айго Шан говорил же, что теперь лагерь положено покидать в составе чуть ли не роты.

– У нас скажем так специальное ознакомительное задание, – объяснял Ярослав, – здесь недалеко есть место, где уже китайские военные всё проверили, нам как новичкам сначала следует ознакомиться с тем, что уже исследовано. Таково наше первое задание, самое безопасное, увы, или к счастью.

– Не туда и не сюда, – угрюмо кивнул Дэлн, растирая воспалённые глаза под очками.

Подойдя ближе к своему напарнику, Ярослав шепнул:

– Похоже, твоя бессонница продолжается. Опять в плохом настроении?

– Со мной всё нормально, – солгал Дэлн, – я наоборот нацелен на то, чтобы хоть раз прогуляться подальше от лагеря, наскучило там всё, приелось. Мы пришли исследовать, но топчемся уже с неделю по кругу.

– Ну вот и славно. За мной, ребята! – громко скомандовал Ярослав. – Обследуем город.

– А Вейж не говорил, что здесь и дроны бесполезны, – заметил Дэлн.

– Об этом узнали не так уж давно, ты думаешь, от чего мы так долго как ты говоришь топтались по кругу? Пробовали использовать разные методы по детальному исследованию города от беспилотников до роботов, но связь страным образом прерывается. А вот рации работают. Операция

«тройной поиск», уж больно долго топталась на стадии планирования...

— Да знаю я, — оборвал Дэлн, — мы же с тобой вместе это всё планировали и Вейжем и....

— Ты мой друг порой на столько потерял, что я уже сомневаюсь, что ты там припоминаешь, или нет, — вздохнув пояснил Ярослав.

Дэлн молча следовал позади группы, чувствуя нелепость своего положения. Несмотря на боевую выправку и выдержку, он оказался бессилён перед простыми тревогой и страхом. Понимание приближалось неотвратимо — завтра Ярослав скорее всего доложит командованию о нездоровье товарища, и того отправят назад.

«И к лучшему!» — успокаивал себя Дэлн, однако облегчение не приходило.

Тёмные очки скрывали часто блуждающий растерянный взгляд, метавшийся туда-сюда. Впрочем, для молодых солдат Дэлн наверняка оставался образцовым военным, разве что нервно вздрагивающим от любого шороха и мгновенно поднимающем оружие. Некоторые удивлялись: «Хорошая у него реакция!»

Ярослав лишь качал головой разочарованно, или вздыхал. Сознание предстоящих нескольких часов растущего неконтролируемого волнения выводило Дэлна из равновесия. Стараясь сосредоточиться, он мысленно переносился

домой, в Петербург, пытаясь вспомнить приятные моменты прошлого, но всё улетучивалось словно дым давно погасшего костра.

Вскоре Островский заметил похожее замешательство в поведении Дениса и Виктора. «Страшно им обоим, – понял Дэлн, – да нет... не просто страшно, чужие они здесь, как и я».

– Мы сейчас в зоне Инь, – нарушил молчание Ярослав. – Китайские солдаты, как я и говорил, здесь всё проверили, а днями ранее очистили весь район от домашней утвари, оставив в домах голые стены. Каждый найденный предмет отправлен в лабораторию – стол, лампочки, куча неизвестных людям предметов, даже бутылки. К слову, про бутылки: теперь запрещено самостоятельно вскрывать любые сосуды и контейнеры. Их следует передавать только в руки доктора Бердникова либо Генгиса, а если такой возможности не представляется, с собой не брать. Помните инцидент с вертолётном, который едва не упал? Оказывается, там на борту кто-то перепутал бутылку с питьевой водой и ёмкость, которую нашли здесь. Один очень невнимательный солдат вместо бутылки с водой открыл ту самую ёмкость. Даже представлять не берусь как это было возможно перепутать, но из горлышка того предмета вырвались сверлообразные лучи и пробили обшивку вертолёта. Впрочем ребята, наша задача на сегодня не глазеть и не трогать незнакомые предметы, а искать следы чужаков. Всё поняли? Тогда за дело!

– Кстати, чужаки здесь – мы – поправил Дэлн.

Раздав распоряжения троим бойцам, Ярослав вернулся к другу. Но едва Платонов открыл рот, намереваясь высказать целый поток забот о товарище, как вдруг издалека сквозь завывание ветра донёлся отчётливый скрип старой двери. Звук вновь заставил дёрнуться Дэлна и взвести автомат, тот резко обернувшись прицелился.

На краю пустынной улицы стоял маленький приземистый домик без окон, покрытый игловатой крышей – словно гигантский ёж укрылся среди строений. Его обшарпанная деревянная дверь была раскрыта настежь, и ветер свободно играл ею, заставляя громко скрипеть и стонать при каждом движении.

– А твоё чувство необузданного страха стало острее именно в этом городе? – пытливо спросил Ярослав. – Или что-то похожее ты испытывал раньше?

– Это не совсем страх, – объяснил Дэлн. – Да, он довлеет над всем, но чувства будто сходят с ума, как... как компьютер, куда одновременно загрузили несколько вирусов. Я краем уха слышал, как один учёный назвал этот феномен деградацией эмоциональных опор.

– Вопрос лишь в том, сделано ли это намеренно кем-то или всё происходит самопроизвольно?

– Что это значит? – переспросил Дэлн. – Учёные ведь уже утверждали, что чуждый город попросту отвергает всех – включая нас.

– Верно, – согласился Ярослав, бросая взгляд на раскачивающуюся на ветру открытую дверь. – Но ведь мы здесь не единственные...

Платонов подошёл к дому, столь сильно испугавшему Дэлна своей дверью, и заглянул внутрь. В пустой комнате было шаром покати – вся домашняя утварь вынесена учёными для исследований, даже окна демонтировали. Однако в этом опустошённом жилье Ярослав обнаружил кое–что важное – следы босых ног на пыльном полу. Он присел, чтобы получше разглядеть их.

– Возможно, какой–нибудь обезумевший китайский военный здесь пробежал? – предположил Дэлн.

– Сомневаюсь, – покачал головой Ярослав. – Следы принадлежат скорее всего ребёнку плюс–минус лет десяти, а учитывая тот факт, что солдаты и учёные вывезли отсюда абсолютно всё имущество, прошлись здесь вдоль и поперёк тяжёлыми армейскими сапогами, да ботинками, эти босые отпечатки совершенно свежи. Эх... жаль военные унесли отсюда все вещи, мне кажется среди них было что–то, что помогло бы нам ответить хотя бы на пару наболевших вопросов.

Взгляд Дэлна натолкнулся на крошечное сокровище, притаившееся среди серых теней под старым деревянным домом. Там, посреди пылевой мглы, тихо лежала маленькая потрепанная книжка, будто забытая кем–то недавно.

Дэлн присел, бережно подняв её из паутины теней и смах-

нул пыль. Книга была миниатюрна, едва ли сто страниц толщиной, но выглядела удивительно живой и чистой, несмотря на пыль и следы возраста обложки. Её листы сияли ослепительной белизной, вызывая ощущение, будто прикосновение к ним оставит след на пальцах навсегда. Словно тихая стражница своего собственного мира, она стояла особняком от всего грязного и тёмного вокруг себя.

Кожаный переплет украшало изображение, похожее на римский крест. Дэлн осторожно открыл книгу, погружаясь взглядом в таинственный мир символов, покрывавших белые страницы, словно нити древнего заклинания. Его разум застыл сначала в недоумении перед странностью знаков, но внезапно из глубин сознания всплыли смутные воспоминания, позволяющие разгадать первую строчку: *«Всё начинается где-то, даже бесконечные истории...»*

Это простое предложение вдруг ударило острым лучом озарения, пробив туман непонимания и вызвав дрожь узнавания. Именно эти слова звучали совсем недавно во снах, произносимые загадочным рассказчиком по имени Элват...

И тут желание немедленно всё рассказать другу охватило сердце ярче вспышки молнии, превратившись в горячий поток мыслей, устремленных к единственному слушателю – Ярославу. Но лишь начав поворачиваться к нему, Дэлн замер: «Нет–нет, ведь он сразу сочтёт меня безумцем, лучше не буду упоминать про свои сны...»

– Ты что–то хотел сказать? – спросил тот и взял у напар-

ника книгу. — Ну вот, хоть что-то мы нашли...

— Да... — неуверенно начал Дэлн, — в этой маленькой книге, похоже, интересная история. Возможно, она как-то связана с городом.

Ярослав погрузился взглядом в тексты книги.

— И что здесь написано? — С ходу спрашивал Платонов.

— С первых предложений говорится про какую-то войну между двумя братьями, вообще... не знаю, я только что прочитал несколько предложений вот и всё.

На лице Ярослава отразилось глубокое раздумье, глаза перебежали от лица Дэлна к строчкам найденной книги.

— Интересно, зачем это было написано? — заговорил Дэлн, — это выдуманная история или...

— Я тоже об этом подумал, — неуверенно начал Ярослав, — но... меня больше поражает то, как легко ты прочёл эти написанные на каком-то языке... немного схожим со старославянским но.... На минуточку книга из другого мира.

Дэлн замер на мгновение, словно услышав собственный внутренний голос, который одёрнул его (возможно это был даже Элват). Перечитывая странные символы снова и снова, в найденной книги он понимал, что буквы выглядят едва знакомо, однако смысл проникал в сознание почти инстинктивно.

— Возможно, это вовсе не инопланетная книга, а её кто-то обронил или из наших военных, или китайских. Скорее всего китайских, наверное, кто-то купил пособие по старосла-

вянскому языку, ну, чтобы сблизиться по языковому принципу с нами. А, почему я так легко это прочёл? Возможно мои родители занимались чем-то подобным, – спонтанно и ляписто врал Дэлн, – а я, как водится, впитал часть их навыков. Я ведь совершенно не помню, что со мной было до пятнадцати лет. Ну ты же помнишь, я рассказывал тебе про свою амнезию.

– Помню, – чуть скривив рот ответил Ярослав, выражение его лица будто громче слов кричало: «Я не поверил не единому твоему слову». – поговорим об этом позже, – подытожил Ярослав вернув книгу своему другу.

Тот убрал её в широкий карман своей амуниции не отрывая взгляда от Ярослава. Взор Платонова пронизывал недоверием и острым сожалением, казалось, сам воздух вокруг него напряжённо вибрировал от невысказанных сомнений.

– Так, – ударно начал Дэлн, – знаю, сморозил дичь, я вообще диву даюсь, как ты дослушал до конца...

– Я уже начинаю привыкать, к тому, что ты, морозишь – пауза – дичь, поэтому повторяю, обсудим это позже.

Проследовав к своей группе они долго осматривали улицу, где изредка встречались снующие из дома в дом солдаты.

– Всё это какая-то бессмыслица, – покачал головой Ярослав, наблюдая за военными.

– Почему же бессмыслица? – возразил Дэлн и указал пальцем на игольчатую крышу дома, из которого они только что вышли. – Кое что нашли, да и посмотри на эти сверлообраз-

ные иглы на крышах домов.

Ярослав с сухим интересом перевёл взгляд вверх.

– Вон те иглы видишь? – Продолжал Дэлн, – они встречаются далеко не в каждом здании. И это даже не иглы, а... – он ненадолго задумался, продолжив, – ... такую нарезку делают в стволе винтовки, для придания скорости пуле. Только здесь это делается не внутри, а снаружи. Посмотри внимательнее.

– И что? – равнодушно спросил Ярослав.

– Я же говорю тебе, в снайперской винтовке нарезка ствола нужна для увеличения скорости полёта пули, а здесь...

– Это я знаю. И что же ускоряют эти иглы? Или свёрла... – уточнил Ярослав.

Дэлн пожал плечами.

– Может быть, свет или энергию, – отрывисто предположил он, – или кого-нибудь...

Ярослав задумчиво посмотрел в сторону улицы, там ша рообразные и овальные здания постепенно сменялись более-менее привычными строениями. Их стены, как заметил Дэлн, отражали солнечный свет значительно слабее.

– Нам надо туда, – прервал размышления Ярослав, – одними догадками и бесцельными блужданиями сыт не будешь.

– Сдается мне, китайцы нарочно послали нас сюда, в зону Инь, где они уже успели собрать всё самое интересное, – изрёк Дэлн.

Ярослав молчаливо кивнул, крепко схватившись за рацию

собрал всю группу рядом с собой.

– Пришла наша очередь отыскать что-нибудь полезное и важное для себя, – многозначительно заключил Ярослав.

Не прошло и пяти минут, как группа агентов ОГРАС вступила на улицы, где они еще больше и по-настоящему ощутили себя на чужой планете, ведь вокруг были дома, куда ногда земного человека ступала лишь однажды – чтобы убрать тела погибших жителей этого места.

Островский заметил впереди одиноко стоящее дерево – сухое, корявое, похожее на множество других, что мертвенными скелетами торчат из земли города. Его ветви извивались, точно искривленные пальцы старца, простирающиеся к небу. Но именно это древо почему-то казалась до боли знакомой, вызывая тихий шепот в сознании Дэлна, звавшем приблизиться ближе и коснуться шершавой коры своими ладонями.

От странного наваждения Дэлна отрезвил звучный командирский голос Ярослава, раздававший солдатам очередные распоряжения. Теперь Платонов велел держаться всем вместе. Такое чувство локтя даже подняло дух солдат.

Агентам приглянулось довольно необычное для... необычного города здание.

Они быстрым шагом подошли к дому, над дверью которого висела сколоченная из нескольких досок деревянная вывеска с изображением пивной кружки.

– Обалдеть, – усмехнулся Дэлн – будем знать, что инопла-

нетяне точно пьют пиво.

Этот небольшой двухэтажный домик напоминал трактир, какой могли бы построить во времена средневековья. Странно, весь город выглядел инопланетным, а этот дом–трактир да и большинство окружающих его строений походили на эхо знакомого агентам мира. Единственный здесь, среди мрачной неизвестности, трактир привлекал пристальное внимание, словно свет маяка в ночной буре.

Подойдя к деревянной двери, Ярослав резко толкнул её вперед, она со скрипом распахнулась. Первым делом бросился в глаза царящий внутри хаос. Повсюду валялись опрокинутые деревянные столы и стулья, покрытые толстым слоем пыли. В разных местах пола лежали осколки бутылок, на некоторых столах стояли тарелки с давно сгнившей пищей. Запах тления пропитывал воздух, делая его затхлым и удушливым.

Ярослав, держа автомат наготове, осторожно переступил через порог, хруст стекла раздался под его ногами. Дэлн бросил последний взгляд на улицу и последовал за ним.

– Яр, заметь, а игл–то на этих улицах нет, как...

– Тише, – зашептал Платонов, – видишь вон ту дверь справа от меня? Проверь, что там, а я пока здесь осматрюсь.

Дэлн молча кивнул головой, чуть заметнее обычного напряглись мышцы шеи. Его шаги стали едва слышимыми – лёгкими тенями скользили среди разбросанных кресел и столов. Островский потянулся к дверной ручки, его пальцы

мягко сомкнулись вокруг шершавого дерева, тихонько проверяя, свободно ли откроется створка. Но вдруг откуда-то сверху пронёсся тревожный шорох, а за ним топот. Тишина вздрогнула, разбившись миллионами осколков беспокойства.

– Эй... – прошептал Ярослав указывая пальцем вверх, напряжённо глядя туда, где лестница вела в сумрак второго этажа, рядом с ней стоял Дэлн.

Кивнув Ярославу в ответ, тот, держа автомат наготове, стал медленно подниматься на второй этаж. Аккуратно ставя ногу на ступеньки, он ощущал, как ветхое дерево противится этому вторжению, издавая протестующие скрипящие звуки выдавая каждый шаг Дэла.

Поднимаясь всё выше и выше, Островский ощутил растущее во всём теле напряжение. Ведь он совершенно не знал, что его там ожидает – целая стая бандитов или безумный убийца из другого мира.

Наконец, оказавшись наверху, Дэлн осмотрел комнату: грязные окна еле пропускали дневной свет. В полумраке Островский увидел дряхлую мебель покрытую пылью, залежи странных предметов и вещей, колченогие кровати, заплесневевшие шкафы, облезлые лампадки и горы никому ненужных лоскутов ткани, хранящих память былых времён. Всё казалось замороженным во времени, будто музей-заповедник, заброшенный и забытой всеми навсегда.

Дэлн шёл медленно, внимательно вслушиваясь в тишину.

Осмотревшись вокруг, он уже хотел развернуться и уйти, когда услышал шорох. Резко обернувшись, Островский шагнул к кровати, опустился на колено и заглянул под неё. Там стояла деревянная кадка и целая стопка старых книг – больше ничего. Встав с колен, Дэлн заметил большой шкаф, стоявший в углу комнаты. Подойдя ближе, он осторожно потянул за ручку, однако дверца не поддавалась. Странно, ведь никаких замков на ней не было.

Тут дверца резко распахнулась, оттолкнув стоявшего перед ней Дэлна. Из шкафа выпрыгнул низкорослый человечек и бросился бежать.

– Ах ты чёрт! – процедил сквозь стиснутые зубы Островский.

Выскочив вслед за беглецом, Дэлн остановился увидев как внизу лестницы Ярослав крепко сжимал автомат в одной руке, а второй железной хваткой удерживал мальчугана, лет десяти. Юнец так рьяно вырывался, что казалось будто готов вот-вот взмыть в воздух подобно птице, отчаянно рвущейся на свободу.

– Попался, маленький негодяй! – ухмыльнулся Дэлн, оглядывая свою добычу. – Ещё чуть-чуть, и дверью бы прикончил меня, проказник!

– Эй, эй, мы тебя не тронем, – успокаивал Ярослав. Но, несмотря на дружелюбный тон незнакомого мальчику мужчины, тот по-прежнему продолжал вырываться, пытаясь даже укусить Платонова за руку. – Зубы ломаешь дурачок, об

мою амуницию!

Островский задумчиво застыл всего на секунду, но за это время его вдруг озарило единственное правильное решение в этой ситуации.

– Тэа таримор! – Громко отчеканил Дэлн.

Фраза тут же успокоила бурлящие эмоции мальчика, погасив желание сопротивляться. Будто невидимая рука остановила бешеный танец внутри него, заставив замереть и обратить взор назад к Дэлну. Удивление мальчика быстро сменилось насмешкой.

– Я что, сейчас пошутил на его языке? – Вопросил Островский.

– Не знаю, – бросил Ярослав и вновь обратился к ребенку:

– Послушай меня внимательно, – тихо произнёс он, обращаясь к ребёнку, будто боясь спугнуть едва зарождавшуюся надежду. – Я твой друг... да-да, именно друг!

Платонов сопровождал свою речь плавной жестикуляцией. Повесив автомат на ремне за спину, он то хлопал себя по груди со стороны сердца, то мягко прикладывал ладонь к мальчику, словно стараясь подарить ему свое тепло. Его старания не прошли даром: мальчуган утвердительно кивнул головой, а в глазах блеснуло хрупкое доверие. Оглядевшись, ребенок указал пальцем на печь, в которой, кроме давно потухших угольков, ничего не было.

– Ты хочешь что-то показать? Идем, – согласился Плато-

нов и провел мальчика к печи.

Подойдя ближе к указанному месту ребёнок вдруг застыл. Взгляд его остановился на старой кочерге, стоящей совсем рядом. Маленькая ручка дрогнула, готовая схватить оружие возмездия против незнакомцев, вторгшихся в его мир. Сердце ребёнка билось тревожно, словно барабан войны, готовый взорваться гневом. Однако спустя мгновение детская ладонь, преодолевшая борьбу сомнений, скользнула мимо холодного металла и остановилась на мягком кусочке угля. Мальчик глубоко вдохнул, закрыл глаза, словно собираясь принять важное решение в своей короткой жизни. Затем, собрав всю решительность, он развернулся к мужчинам и раскрыл маленькую ладонь, на которой проступали загадочные вытатуированные знаки.

– Что это у тебя тут написано? – задумчиво спросил Ярослав и в следующую секунду повернулся к Дэлну:

– Может, ты знаешь? Ты ведь вроде бы специалист по инопланетным символам.

Однако Островский лишь пожал плечами. Ребенок осторожно взял руку Ярослава, жестом попросил снять тактическую перчатку. Тот исполнил просьбу, и мальчик, взяв уголек, нарисовал на ладони агента руны, после чего накрыл их своей рукой, закрыв глаза. Следующим мгновением мальчик крепко сжал руку Ярослава, сморщившись, словно испытывая боль.

– Что он делает? – сосредоточенно спросил Дэлн.

– Не знаю, но моя ладонь горит огнем, – сообщил Ярослав, слегка морщась.

Наконец мальчик резко выпустил руку Ярослава, тяжело дыша, словно после длительной и утомительной пробежки. Ребёнок восстановив дыхание властно осмотрел своих пришельцев.

– Моё требование к вам – словом Ишиды и волей Алеоса – отпустить меня! – разнёсся по комнате детский, но повзрослому твёрдый голос.

Оба агента в этот миг застыли, будто персонажи старинной картины. Их лица приняли выражение ледяной маски удивления, а взгляды были устремлены на мальчика с единственным вопросом... И Дэлн первый озвучил его вслух:

– Он говорит по-русски?

Ребёнок закатив глаза разочарованно выдохнул.

– Иномирцы, вы глупее чем я думал! Вы же видели, что мы скрестили руны языкового познания, а ещё, раз уж вы решили ко мне обращаться с почтением, то извольте исполнять мои приказы.

– Чего? – Осёкся Ярослав, – какое почтение?

– Ну, этот же сказал, – мальчик кивком головы указал на Дэлна, – Тэа Таримор, моё почтение.

– Ах вот оно что значит, – просветлел лицом Дэлн.

– Какое бы ни пришло время, – продолжил мальчик, усиливая твёрдость в своём дрожащем голосе, – запомните, ино-

мирцы: твердыня, на которой вы стоите, восхвалена словом Аркуды и волей Алеоса, и её песня разрушит любые вражеские доспехи!

Дэлн замер, слегка раскрыв рот, вероятно, собираясь задать вопрос, но потом передумал. Спустя мгновение он взглянул на Ярослава.

– Ты слышал? О чём он вообще толкует?

Платонов недоверчиво рассматривал мальчика тяжёлым взглядом. От первого дружелюбного взора не осталось и следа.

– Кто ты такой? – Поинтересовался Платонов.

– Я... я... – запнулся мальчик – Эальвен из Тальволоса живущий под именем Росак.

– На каком языке ты сейчас представился? – холодно уточнил Ярослав. – Эальвен, Тальволос?

– Мои сомнения относительно вас, иномирцы, растут, – отвечал мальчик. – Спрашивать у гостя дома, кто он и откуда пришёл, прилично наверное разве что в ваших краях.

– Ты живёшь здесь? – равнодушно протянул Ярослав, продолжая наблюдать за ним. – Если да, то с кем? Мать есть? Отец? Дядя?

Росака кольнула печаль и он опустил взгляд.

— Меня зовут Дэлн, – вмешался Островский, – а это Ярослав, можешь звать Яром. Так ты живёшь здесь?

– Не совсем, – поправил мальчик. – Раньше жил с родителями на другом конце города, – тут лицо Росака внезапно

переменилось, и голос стал громче глаза заблестели надеждой – Но скажите, вы их случайно не встречали? Маму и отца? Видели их?

Впервые мальчик перешёл на искренний детский тон, а светящиеся одновременно грустью и надеждой глаза придавали ему особое очарование, способное тронуть даже похолодевшее сердце Ярослава.

Оба агента растерянно посмотрели друг на друга.

– Видимо, и родителей тоже увело сияние, – уныло заключил Росак. Плечи его бессильно опустились, – Здесь оно у всех забрало дыхание!

– Про какое сияние ты рассказываешь? – ровным голосом переспросил Ярослав, – то, которое временами здесь происходит?

Дэлн впервые обратил внимание на то, что вид у мальчика был истощённый, его ноги еле держались.

– Давай–ка сначала отвезём его в лагерь, приведём в чувство, – посоветовал Дэлн. – Смотри, он плохо выглядит.

Росак отрешенно уставился в пол, пока Дэлн не прикоснулся рукой к его плечу.

– Парень, перестань расстраиваться, мы обязательно найдем твоих родных, ну...не грусти, ладно? – подбадривающе проговорил Островский.

Росак слабо улыбнулся в ответ.

Рука мальчика прижалась к груди закрыв глаза, он словно пытался укрыться от окружающего мира, ощущая прохлад-

ную гладкость круглого металлического медальона с письменами, висевшего на шее.

Дэлн нахмурился и указал пальцем на загадочный предмет:

– Это что такое?

Мальчик отступил назад.

– Иномирцы, оставьте мой амулет в покое. Без него... мне грозит смерть. Мама велела никогда не снимать, иначе... я могу погибнуть.

– Мы ничего не собираемся у тебя красть, мы же не бандиты, – отвечивал Ярослав.

– Не тревожься напрасно, твоё сокровище останется целым, ничьи руки к нему не прикоснутся, – добавил Дэлн.

– Правда, а почему я должен вам верить? Может, вы одни из тех, кто убил здесь всех! – по-прежнему закрывая медальон рукой, недоверчиво произнес мальчик, продолжая отходить назад.

Тут вперед выступил Ярослав:

– Как думаешь, если бы мы хотели убить тебя, что бы нам помешало это сделать сейчас?

– Яр, зачем ты на него так давишь? – обратился Дэлн.

Но тот, словно не услышав слов своего напарника, продолжал:

– Ты понимаешь, о чём я? – говорил Ярослав, глядя на мальчика своим самым суровым взглядом. – Верно?

Росак стал выглядеть подавленным, опустив взгляд, он

старался не смотреть Платонову в глаза.

– В ваших мыслях должно быть понимание ко мне, – говорил мальчик по-прежнему на неестественном для своего детского лица слоге, но теперь более осторожным тоном. – Возможно, вы не желаете мне зла, но я прошу понять меня: я жил здесь один столько дней, что считать уже не могу, среди бездыханных тел. Потом среди подобных вам существ, с железками, плюющимися огнем, – он кивнул головой на автомат Ярослава, – и пришедших подземельников, они преследовали меня последние дни, – Росак поднял взгляд, – кому я должен верить?

– Так, стоп–стоп! – Отрезао Ярослав. – Подземельники? Это ты о ком?

Лицо Росака блеснуло удивлением.

– Вы разве не знаете о них? Они тут постоянно шарятся. Ну... – он задумался, подбирая слова, – впрочем, возможно, вы их и видели, но называете иначе. Они пришли сюда после первого сияния, самого убийственного. И всегда появляются из–под земли, у них бесформенные тела из песка, чернозема, глины и всего прочего. Часто являются по ночам и ищут что–то или кого–то. А в последнее время стали приходить и днем, – Росак с опаской посмотрел в окно, – наверное, они и сейчас ищут.

– Так ты говоришь, что они бесформенны и приходят из–под земли? – задумчиво уточнил Дэлн.

– Мое уверение к вам, иномирцы, они есть сама Земля,

принявшая странный облик, несвойственный ей самой... Я не видел, чтобы подземельники на кого-то нападали, но... — мальчик помрачнел лицом, вновь бросив короткий взгляд в окно, — они следят тут за всеми. Ваши воины, наверное, этого никогда не замечали, а я видел, как подземельники следовали и за ними. Иногда они бродили за мной, но я быстро от них убегал. Подземельники чужие здесь. Впрочем, как и вы, но если вы не заодно с ними, вам, как и мне, следует избегать их. К ним нет Тэа таримор, никакого Тэа таримор.

— Чтож, пора нам возвращаться в лагерь, — подытоживал Ярослав, — думаю мы не зря сегодня сходили, единственный выживший этого города, лучше, чем тысячи непонятных неизвестных нам вещей.

— Кстати, зря вы их всё собираете, скоро они всё равно растают, — оповестил Росак.

Ярослав сощутив глаза оценивающе окинул взглядом мальчика.

— Ты даже не представляешь, сколько у меня вопросов к тебе парень, — оповести Ярослав.

Глядя в глаза мальчику, он заметил, непривычный контраст — детское розовощёкое личико, но взгляд умного юноши.

— Сколько тебе лет? — Вопросил Ярослав.

— Двадцать три, — пожав плечами по-будничному ответил тот.

Оба агента блеснули удивлением.

– Что опять не так? – Напрягся Росак.

– Ничего, – махнул рукой Ярослав, – идём в лагерь.

Выходя из дома, Платонов взял рацию и, нажав на кнопку связи, произнёс:

– Иван, как слышно? Приём!

Но из рации вместо голоса Разумовского доносились странные помехи, похожие на свист, который становился всё громче и громче. Ярослав попробовал ещё раз связаться со своей группой, однако, как и прежде, кроме непонятного звука, он ничего не услышал.

– В чём дело? – забеспокоился Дэлн.

– Понятия не имею, куда они могли деться, – с этими словами Ярослав огляделся вокруг. – Может, сейчас появятся?

Нарастающий свист становился невыносимым, и Ярослав выключил рацию.

– Может, будет лучше... – голос Дэлна прервал треск, похожий на разряд грома. Росак невольно вскрикнул и в страхе попятился назад.

– Свечение, начинается... – оповестил дрожащим голосом.

Островский посмотрел на небо, на котором не было ни единой тучи. После первого треска спустя несколько мгновений последовала целая серия разрядов. Всё это происходило где-то далеко в лесу, и из-за домов Дэлн не мог ничего разглядеть.

– Подождите, я сейчас. – С этими словами Дэлн вернулся

в дом—трактир и, спотыкаясь о поваленные стулья, бросился к лестнице. Добравшись до окна второго этажа, он осторожно стёр мутную плёнку грязи рукавом амуниции и замер, впиваясь взглядом в тёмное море леса позади города.

Сквозь густые кроны деревьев мелькнул призрачный свет — бледно-голубая искорка, танцующая среди мрачных ветвей. Постепенно она разгоралась, превращаясь в яркий серебристый шар, мерцающий таинственным холодным светом. Именно такое сияние незадолго до исчезновения группы из пятнадцати человек видел капитан Вейж.

Глядя на это необъяснимое явление, Дэлн почувствовал, как учащается его сердцебиение. Тут же возникла мысль: «Что если завтра из-за этого сияния здесь все погибнут точно так же, как и жители этого города?» Спустя мгновение свечение вместе со странным звуком пропало столь же внезапно, как и возникло.

Островский, освободившись от тяжёлого бремени сомнений, тихо выдохнул и отвёл взгляд от грязного окна, будто опасаясь снова увидеть нечто необъяснимое. Опустив глаза к полу, он задумался над причиной загадочного свечения, однако мысли сами собой расплылись лёгкой дымкой забвения. Внезапное чувство свободы нахлынуло на него подобно освежающему дождю после долгой засухи. Казалось, всю жизнь он нес непомерную тяжесть через раскалённую песчаную пустыню, пока наконец не увидел перед собой спасительный зелёный оазис прохлады и покоя.

Дэлн даже осмотрел себя, нет ли каких-либо изменений в теле? Внешне Островский выглядел прежним, но внутренне ощущал уже не привычное спокойствие.

Дэлн снова обратив взор к месту, где была аномалия, он услышал тихий шёпот внутреннего голоса: «Мне нужно туда». Это был одновременно приказ и мольба, зовущий к разгадке тайны, открывшейся сейчас перед ним.

– Эй, ты там заснул? – крикнул Ярослав.

Спустя минуту Дэлн с задумчивым лицом вышел из дома.

– Похоже, не избежать нам гибели здесь, – вздохнув, обречённо произнёс мальчик своим уже привычным для обоих агентов не по-детски твёрдым голосом.

– Почему ты так решил? – спросил Ярослав.

– Я же говорил вам, перед смертью всех жителей этого города был такой же звук, а затем свечение... правда намного ярче, но...

– Я видел его, – перебил Дэлн, – там далеко в лесу, вероятно, именно о нём рассказывал Росак и капитан Вейж. Возможно, мальчик прав, и нам нужно срочно покинуть это место, пока не поздно. И уходить нужно в сторону... – Островский запнулся, едва не выболтав своего пока необъяснимого желания отправиться на место свечения, – в общем нам следует немедленно уходить из города, как только представится возможность.

Ярослав тяжело выдохнул.

– Дело в том, что на данный момент представляется толь-

ко два решения, – говорил он задумчиво, – если разбивать лагерь или строить базу вне города, то делать это нужно очень далеко, так как в ближайших границах постоянно возникают аномалии, соседнюю деревню, что отсюда в двадцати километрах и то эвакуировали. Можешь себе представить каковы будут сложности в логистике учитывая Тибетские горы и леса? Но, есть второй вариант, который китайские и наши исследователи выбрали – разместится в центре города. Всё тело в том, что аномалии не происходят внутри него.

– Может быть потому, что весь город, это одна большая аномалия, – мрачно подытожил Дэлн.

Ярослав, глядя на Дэлна, не знал, что сказать. Молча взяв в руки рацию, он попытался снова связаться с остальными членами группы, но тут мальчик неожиданно закричал и побежал прочь.

– Бегите, это подземельники... они пришли!!! Они здесь!!! Они здесь!!!

Не прошло и трёх секунд, как Росак скрылся где-то среди пустынных улиц.

Ярослав застыл на месте и медленно перевёл взгляд к Дэлну. Тот замер подобно изваянию с чуть приоткрытым ртом глядя за спину своему другу.

– Ты только посмотри на это. – Тихо будто боясь спровоцировать дикого зверя сказал Дэлн.

Обернувшись, Ярослав увидел рядом с собой вырастающий из земли толстый песчаный столб. Тот поднялся чуть

выше трактира и замер. Оба агента в смятении отступили назад.

– Что это? – опасливо прошептал Ярослав.

Из-за соседнего дома показался Иван.

– Товарищ капитан, рация не фурычит совсем, но мы там кое-что на... – остальные слова утонули в песке... Ещё один «подземельник», ожив, вздыбился под солдатом, песчаной змеей опутал его и отшвырнуло в сторону как куклу. Разумовский, влетел в стену ударившись о неё головой и оставив на ней кровавый след, рухнул лицом вниз – больше не шевелясь.

Ярослав рванул в ближайший дом.

– Сюда! – крикнул он Дэлну.

Островский лишь мгновение колебался, но сердце позвало вперёд вслед за другом, и он бросился стремглав вдогонку, однако песок будто заговорённый мгновенно окутал ноги цепкими щупальцами, тянущими к морскому дну. Дэлн упал, его ноги тонули всё глубже и глубже, поглощаемые ненасытностью песков, жаждущих пленника. Земля втягивая беднягу внутрь, подобно гигантской воронке, стирая следы существования, превращалась в топкое болото. Вскоре Дэлн оказался зажатым в песке, словно в пасти гигантского существа и лишь его голос рвался наружу, по-прежнему сопротивляясь неумолимой стихии.

– Да что это происходит?! Яр, ты где?

Ярослав, услышав крик, резко обернулся и увидел лишь

торчащую из песка голову Дэлна. Песчаный столб, что всё последнее время лишь стоял недвижимо направился к попавшейся жертве.

Ярослав, сняв автомат с предохранителя, открыл прицельный огонь по песчаным существам, но пули, врезаясь в них, просто поглощались сухим и ненасытным чревом. Впрочем, какой вред можно нанести песку автоматной очередью, пусть даже если тот двигается словно живое создание?

Но думать песчаное существо определенно умело. Почувствовав в Ярославе угрозу, оно двинулось к нему, с каждой секундой увеличиваясь в размерах.

– Ну, ничего себе... – выдохнул Ярослав, его удивление на мгновение вытеснило инстинкт самосохранения, заставив замереть.

Отрезвев от секундного оцепенения, он резко развернулся и бросился к спасительному укрытию. Но жестокий удар в спину потряс тело Ярослава, отшвырнув его и пробив им ветхие двери заброшенного дома. Старый деревянный порог лопнул, словно сухая палка, расколовшись пополам под тяжестью навалившегося песка. Агент влетел внутрь жилища, катясь по полу, пока наконец не ударился головой о стену, потеряв сознание.

Дэлн попытался снова закричать, но в раскрытый рот мгновенно хлынул песок, словно давая понять: «молчи, не слова больше». Последнее, что смог увидеть Дэлн перед по-

терей сознания, — как на Ярослава рухнула лавина песка, вероятно погубившая его, а бешено мечущиеся в голове Островского мысли вдруг свелись к одной фразе: «Это конец». Дэлн почувствовал, как его то ли тело то ли душа поднимается вверх, жив он ли мёртв, в таком состоянии было не разобрать...

Очнувшись, Ярослав почувствовал острую боль, растущую изнутри груди и спины, словно тысячи крошечных иголок впились в плоть. Мышцы дрожали, руки бессильно повисли вдоль туловища, дыхание перехватывало от нахлынувшей муки. Обхватив левой рукой правую половину грудной клетки, агент осторожно выпрямился, встав на одно колено. Его взор блуждал по помещению, окутанному пылевой завесой, взглядом скользящим поверх разрушенных окон и порога двери. Всё здесь было погребено под слоем мертвенного песка, плотной коркой глины и чёрных клочков земли.

— Вот чёрт! — выплюнул Ярослав.

Тишина вокруг повисла тяжёлым покрывалом, застывшим таким абсолютным покоем, что собственные удары сердца резонировали оглушительно громко внутри черепа. И вдруг Ярослав вспомнил: «Дэлн. Он больше не даёт о себе знать». Платонов опустил взгляд и увидел валявшийся рядом автомат — старый знакомый товарищ, готовый прийти на помощь в любой ситуации. Медленно наклонившись, он поднял оружие, чувствуя каждую клеточку тела болью и усталостью, словно кто-то вытянул из него весь жизненный сок.

Передвигаясь на полусогнутых ногах, Платонов подобрался к старой ржавой лестнице и поспешно взобрался наверх на второй этаж. Подойдя к окну, протёр стекло от пыли и выглянул наружу. Над улицей, словно космический корабль из фантастического фильма, медленно поднимался огромный песчаный шар. Наверху, в самом его центре, Ярослав разглядел голову Дэла. Так называемый Росаком «песчаный подземельник» лишь пленил Островского, но не убил.

– Что же это за дичь? – вырвалось у Ярослава с пересохших губ.

Песчаный шар выглядел неприступным творением, ставшим для Дэла чем-то вроде нерушимой оболочки. Перебирая в уме все возможные способы спасти товарища, Ярослав не представлял, что именно сможет предпринять сейчас. Однако он побежал дальше – действовать надо было немедленно, отступать он не собирался. Рванув к лестнице, ведущей на крышу здания, Платонов сам удивился собственной выдержке: несмотря ни на что, он готов бросать вызов даже неизведанной силе, хотя нечто похожее проделывал уже не впервые. Но раньше он боролся с людьми, разношёрстными бандитами и агентами разных мастей, оставаясь хладнокровным и решительным, однако сейчас перед ним предстало чуждое земному миру создание. Впереди скрывалась сущность страшной силы.

Открыв люк, ведущий на верх, Ярослав осторожно высунул голову. Вся плоская крыша была окружена небольшими

бортиками – идеальным местом для стрельбы. Выбравшись наружу, Платонов на полусогнутых ногах быстро добрался до края крыши. Тело вновь отозвалось болью в груди и спине, напоминая о ранении, но адреналин пока помогал это перенести.

Гигантская песчаная сфера продолжала своё медленное продвижение по улице. Глянув вниз, Ярослав заметил четыре бесформенные земляные фигуры, они двигались синхронно прямо под шаром, будто охраняя его. Внешне они теперь напоминали людей: в их контурах угадывались руки и головы.

Из переулка выскочил Виктор и выпустил очередь из автомата в одну из песчаных фигур. Она рассыпалась облаком золотистых крупинок, но тут же восстановилась, прямо перед солдатом. Напав на Виктора, она безжалостно отшвырнула его в сторону.

– Спускаться туда нельзя, – решил Платонов, тяжело дыша от напряжения и адреналина. Теперь ситуация ещё сильнее усложнилась, и спасательная операция становилась вопросом выживания не только друга, но и самого себя.

Вдали Ярослав разглядел незнакомца, тот стоял на крыше вытянув перед собой правую руку напротив движения шара. Платонову в первый миг подумалось, что может это кто-то из числа своих, но интуиция будто обзаведясь громким голосом крикнула в голове – «это враг!».

Сняв автомат с плеча, Ярослав прицелился в непрошен-

ного гостя, к которому приближался песчаный шар. Незнакомец находился настолько далеко, что Платонов вполне мог промахнуться. Но теперь многое зависело от точного попадания, малейшая ошибка могла стать фатальной. Напрягая зрение и концентрацию, Платонов глубоко вдохнул и плавно положил палец на курок...

Щёлк.

Автомат послушно откликнулся сначала мягким щелчком, а затем оглушительным хлопком, отправляя пулю навстречу судьбе...

Глава 3.

Душа, одна на двоих

Сквозь густые объятия зелёного полога, будто через тайный коридор древнего замка, пробирался Эллидиан. Вперёд вел его острый взор, перелетающий с одной опушки на другую, настороженно наблюдая за каждым шорохом. Острый глаз мечника улавливал каждое движение, точно хищная птица высматривая добычу среди бескрайних лесных просторов. Здесь, на чужой земле, незнакомый лес казался предательски спокойным и вместе с тем полным скрытых угроз.

Ясные лучи солнца проникая сквозь кроны деревьев, играли отблесками на остром клансорийском клинке Эллидиана, выплавленным из черной багровой крови давно погибшей звезды. Верный боевой товарищ меч, закреплённый поверх тёмного плаща металлическими креплениями, в прямом смысле слова не смыкал глаз наблюдая, что происходит за спиной хозяина. У самого основания клинка на перекрестии бледно—зелёным естеством сиял глаз клансорийского меча.

Тело Эллидиана было облачено в кожу легендарного зверя, способного прятаться во мраке ночи и противостоять любым ударам судьбы. Кожаный панцирь украшен вычурными узорами и символом могущественного ордена ардалингов.

Мечник не сомневался в прочности своего одеяния, но больше полагался на свою ловкость, скорость и... никогда не спящего боевого товарища за спиной.

Немного поморщившись от жгучей боли в руках, Эллидиан остановился. Начертанные на обеих ладонях специальными чернилами линии эфирных сплетений после использования продолжали нагреваться, испуская последние остатки энергии. Посмотрев на свои чуть дрожавшие от напряжения ладони, мечник закрыл глаза и глубоко вздохнул, стараясь таким образом мысленно успокоить жгучую боль.

Процедура перемещения из одного мира в другой была проделана им впервые, потому о последствиях он знал лишь теоретически. Эллидиан надеялся, что после выполнения задания и возвращения домой больше нигде и ничего делать не придётся. Единственное, о чём он мечтал сейчас, – это вернуться в свой тёплый и уютный домик на краю леса и вновь заняться любимым делом: сесть за письменный стол, попивая из кружки ароматный травяной чай, сочинять исторические рассказы. Но тут эта мысль исчезла быстро, словно снег в печи. «Забери вас проклятье, горгониты! – мысленно ругался Эллидиан. – Теперь мой дом волей-неволей здесь, на чужбине, как и частичка родного города...»

Эллидиан помрачнел лицом. Жгучая боль в руках угасала подобно догорающей свече. Достав из кармана кожаные перчатки, ардалинг натянул их, поправил висевший за спиной меч и двинулся дальше. Вскоре он подошёл к городу, вплотную примыкавшему к лесу. Осмотрев внимательно каменные дома и улицы, мечник не увидел ни единого живого существа, опустив взгляд вниз, заметил, что твердь застлана сухой травой.

Дорогу одной из улиц окаймляли высокие скелеты деревьев, чьи сухие ветви тянулись к небу, точно пальцы утопленников, пытающихся выбраться из пучины мрачного болота. Окружающее пространство дышало зловещей пустотой, подобно атмосфере заброшенного театра после апокалипсиса, когда актёры исчезли навсегда, оставив сцену непроглядной серости. В воздухе повисла мертвенная тишина, которую нарушал лишь лёгкий вздох ветра или случайный шорох сухих веток.

«Значит, я пришёл по адресу», – подумал Эллидиан и двинулся дальше, но едва его облачённая в чёрные, как застывшая лава, кожаные доспехи фигура пересекла черту леса и города, издалека послышались отзвуки размеренной поступи. Кто-то намеренно шёл громко, выдавая своё присутствие. Впрочем, Эллидиан не стремился скрываться, его эфирное восприятие не предвещало сильных врагов на многие километры вокруг.

Но рука Эллидиана рефлексивно в мгновение оказалась

на фесе меча, металлические застёжки с холодным лязгом разомкнулись, подобно крылья птицы, освобождённой из клетки. Выхватив меч, дерзко блеснувший багрово–чёрной сталью на свету, Эллидиан напряжённо огляделся. В поле зрения нахальный незнакомец ещё не вступил, но звук от шагов нарастал. Мечник прибег к своему эфирному взору и ясно уловил присутствие незваного гостя, а точнее гостьи. Эллидиан мог одним рывком настичь незнакомку, но остался недвижим. Торопиться он не любил.

– Эй... красавт–чик, а ты тут чта делат? – донёсся с крыши одного дома нахально–развязанный женский голос, его обладательница говорила на крайне ломаном слоге, а язык заплетался, будто та была пьяна.

Подняв голову, Эллидиан увидел худощавую девушку, с непропорционально большой головой и высоким лбом. Положив руки на пояс, она ядовито ухмылялась, смотрела на мечника с явным чувством высокомерия. Пьяной она не казалась, но манера ломано говорить оставляла мысли об этом. Её пронзительный взгляд хищницы так и сверлил Эллидиана. Но тот молчал, одарив нежданную хищную гостью лишь холодом своего взгляда.

– Ты чта язык... глотил, красавт–чик? – продолжила издёвки девушка, явно с трудом ворочая языком. – Я, задать... твой вопрос! – Она демонстративной походкой прошлась по крыше к игловому навершию здания. Осторожно взявшись своей хрупкой на вид ручкой за основание одной из метал-

лических сверлообразных игл, девушка отломила её, будто та была лишь тонкой сосулькой.

Хищная змеиная гостья продолжала грациозно ходить из стороны в сторону, поигрывая в руке отломанной иглой, которая длиной была чуть больше её самой. Каждая минута, проведённая этой неожиданной незнакомкой на высоте над Эллидианом, каждый её взгляд на него сверху придавали ей сладостное упоение своим превосходством, пусть пока и надуманным.

Эллидиан отрешенно осматривался, будто забыв о присутствии гостьи, для него сейчас было важнее понять, есть ли в округе ещё желающие встретиться с ним.

– Знай, я оказываю... тебе великий чест, говоря... свой вопрос... у третий ратс, – выплюнула незнакомка. – Чем ты сюда пришёл? Отвечай! Или тебе сразу расскажут... кто перед тобой стоит?

– Ты пришла одна... – тихо, с изумлением сам себе сказал Эллидиан, в этот миг его рука сжимающая меч непроизвольно дёрнулась, – постой, не спиши, – сказал он клинку, – слушай мою длань.

Эти слова прозвучали спокойно, словно он говорил о чём-то совершенно обыденном.

Гостья вытянула хрупкую ручонку, вооружённую массивной иглой, так, чтобы её наконечник указывал на мечника.

– Говори, зачем ты пришёл сюда...

– Тебя это не касается, – грубо ответил Эллидиан, – моё

почтение твоей смелости, что позволила тебе встать на моём пути. Но лучше тебе этого не делать. Уходи с моей дороги, или я уберу тебя.

– Уж не за... Дэлнам ли ты пришёл?

Девушка прикрыла рот рукой и ехидно рассмеялась. Спокойствие Эллидиана в тот миг пошатнулось. «Забери меня, проклятье, неужто опоздал? – мысленно ругал он себя. – Не может быть, чтоб ищейки Килдора меня опередили. Интересно, насколько?»

Хищная гостья выглядела воинственно: тонкие металлические браслеты оковали запястья, кожу плотно облегал гибкий кожано–хитинный панцирь, на ногах одеты башмаки из лёгкого железа. Амуниция позволяла двигаться свободно, как ветер скользит меж деревьев, предназначенная специально для тех бойцов, кто полагается больше на быстроту и грациозность, нежели на силу удара. Только вот само создание в этой броне казалось нелепым фарсом: бледная, слабая девочка, играющая роль грозного бойца. Ни малейшей мускулатуры, ни боевого вида не выделяло её фигуру, несмотря на столь грозный наряд

Но именно этот контраст вызвал замешательство Эллидиана сильнее любого другого препятствия. Ведь перед ним воительница стояла совершенно одна и уж больно уверенно себя вела. Опытный глаз Эллидиана мгновенно оценил ситуацию: оружие у неё отсутствовало, кроме тонких наручей, возможно, хранящих скрытые смертоносные когти.

– Мое требование к тебе, – твёрдо проговорил Эллидиан, – уйди с дороги!

– Да ты невежлив малость, красав–тчик. – Отвечала та, – Тебе разве не говорит, как надо разговариват с... дамами?

Девушка прыгнула с крыши, пресытившись банальной позицией сверху, теперь ей хотелось большего. Она стояла напротив Эллидиана, внимательно и игриво оглядев его, задержала взгляд на клансорийском мече. Оружие показалось девушке необычным. Руны, выбитые на лезвии, завершались одной крупной, выточенной у самого острия и конечно эфирный глаз на пересечении клинка и рукояти, пристально наблюдавший за каждым движением девушки. Казалось, оружие само обладает разумом и жизнью.

Она маняще взмахнула рукой, голос звучал сладко и коварно, словно шипенье змеи:

– Либо отдашь мне эта прекрасный меч... добр–вольно, либо отдаш мне всяго... сабя самого – целеньким, вкусненьким кусочком...

Но Эллидиан спокойно покачал головой, чувствуя лёгкую досаду:

– Признаюсь честно, терпеть не могу повторять дважды одно и то же. Но давай–ка устроим небольшую разминку ради моей забавы.

Девушка резко напряглась, сжимая свободную руку в кулак, приняла воинственную позицию:

– Или решишься использовать свою красивый игрушка

против меня? – насмешливо спросила она.

Эллидиан, крепче сжав рукоять своего меча, оставался невозмутимо спокоен, а вот его багрово–чёрный боевой товарищ нетерпеливо рвался в бой, пытаясь даже насильно зачерпнуть у своего хозяина эфирной энергии, но тот твёрдо умирил горячего боевого товарища.

Глаза девушки зло запылали, эфирный огонь зажёгся между пальцев, окутывая огромную сверлообразную иглу серым сиянием. Энергия вспорхнула и потянулась вверх, протекая по поверхности импровизированного оружия тонкой серебряной нитью, готовой разорвать пространство ударом смертоносного потока эфира.

Воительница выбросила вперед руку, освободившаяся энергия вырвалась смертельным потоком из наконечника иглы. Эллидиану не потребовалось много усилий, чтобы уклониться от такого мощного огненно–грозового эфира. Послышался взрыв, а за ним глухие, трещащие разряды. Энергетический луч врезался в здание позади Эллидиана, разорвал его на осколки. Земля, воздух, всё вокруг содрогнулось от эфирной силы, и под удаляющиеся раскаты эха всё стихло. Эллидиан на мгновение впечатлился такой силой, но по-прежнему оставался пренебрежителен к противнице.

Девушка воин отшвырнула иглу и из её наручей появились длинные клинки.

Оппонентка приготовилась показать свое умение владеть стальными когтями, однако удары клансорийского меча ока-

зались неотвратимыми. Эллидиан рванул вперёд, как ветер вырвавшийся из заточенья, и понёсся с такой быстротой, будто сама реальность отменила для ардалинга все физические законы – её ткань замялась, сморщилась и помутнела, превратив фигуру мечника в размытый призрачный силуэт, едва различимый глазу среди трепещущих складок пространства–времени.

Два раза слитно прозвенела сталь, когда багрово–чёрное лезвие разрезало стальные когти воительницы сначала на правой, а потом на левой руке.

Третьего удара хватило бы, чтобы решить исход поединка. Эллидиан выполнил простейший выпад, позволил своему мечу наконец напиться кровью противника рассекая живот девушки не смертельным ударом. Но опьяневший боевой товарищ вновь настойчиво потребовал больше эфира от хозяина, чтобы порвать врага в клочья, однако Эллидиан опять отказал ему в своей главной силе. Меч послал хозяину сигнал раздражения.

Воительница, лишь после отступления от Эллидиана осознала, как легко его оружие разрезало защищавший её живот панцирь, а вслед за ним и плоть. Девушка поздно отпрянула назад. Все рассекающее лезвие клансорийского меча, не проникло глубже, чем он того хотел .

– Мое почтение твоей храбрости, – произнес Эллидиан искренне, – но я никогда не убиваю тех, кто гораздо слабее меня, разве что они сами не стремятся к этому.

Раненая хищница попыталась ответить возгласом гнева, но жгучая боль живота заставила её крик перейти в стон. Бой продолжался всего доли секунды, но стоил ей множества сил. Боль терзала тело, а эфирная сущность была близка к полному разрушению. Багрово–чёрный клинок поражал не только плоть, но и жизненные нити, благодаря которым душа способна сосуществовать с телом.

– Ах, ты... недоносок! – процедила девушка сквозь зубы, впервые произнеся слова отчётливо.

Эллидиан неспешно приблизился:

– Моя искренняя уверенность к тебе: никогда не позволяй себе недооценивать врага, ведь это часто ведёт к гибели. Хотя меня несколько не удивляет, что глупая девица вроде тебя не ведает такой истины. – Эллидиан замер, протягивая меч перед собой, направляя острие клинка девушке в горло. – Я не убиваю тех, кто слабее меня, а вот мой клансорийский меч часто равнодушен к моим словам. Уж больно ему нравится испить из кубка победы кровь побежденных. Вопрос мой к тебе, дева: кто твой покровитель? Сколько таких как ты здесь? Ответ немедля!

Выражение лица девушки внезапно переменилось, и она снова улыбнулась той самой издевательской улыбкой, какую показала при первой встрече.

– О, поспешишь же ты со своими победами, красав–тчик. Это не ты испытывал меня, а я – те–бя. Рану, которую нанесла твоя рука, я залечу за десять секунд, это будет нетрудно,

как и прикончить тебя самого! – Воительница сбросила кожаную перчатку и, пристально глядя Эллидиану в глаза, вытянула перед собой левую руку с тонкими загнутыми пальцами испещрёнными символами. Меч Эллидиана первый заметил угрозу и взбунтовался, намереваясь стремительно рвануть вперёд, но что-то крепко удержало его, и на сей раз во все не воля хозяина.

Девушка осталась стоять уверенно, угрожающе поднимая бледную руку, пальцы которой странно изгибались, принимая очертания птичьих когтей.

Для Эллидиана всё изменилось. Мир погрузился в густую пелену тьмы, реальность начала искажаться, контуры предметов расплылись, словно морская вода смывала чёткость форм. Туман окутывал разум, конечности казались чуждыми, подчинёнными чужой воле. Доминирующий цвет мира исчез, уступив место мрачной серости, украшенной огромным, тяжёлым тёмно-серым небом, нависшим над головою, готовящимся рухнуть вниз, сокрушив землю и всё, что на ней находится.

Единственное, что можно было отчетливо видеть – алчные глаза девушки, которые, подобно неведомому существу, пожирали разум Эллидиана. «Теперь ясно, кто ты, – спокойно подумал он, – еще несколько минут, и я стану всего лишь твоей марионеткой, забыл я, ох забыл, как следует сражаться с мактолеанцами».

Противник Эллидиана мог как червь проникнуть в самые

сакральные сплетения жизни, те самые, что служили фундаментом любой сущности, ухватиться за них, изменить, разрушить. Такая способность была характерна жителям мира Мактол – созданиям, совершенно не приспособленным ни к какому физическому контакту, у них даже собственного языка не существовало. Во многих мирах говорили, что если бы мактолеанцы умели питаться безо рта, то он им вообще был бы не нужен. Вместо физического общения эти существа развили эфирные тела до такой степени, что они полностью заменяли звуковое общение на ментальное. Словами для них стали магнитные волны, любые другие контакты осуществлялись непосредственно через чувства и эмоции, каждая мысль становилась нитью, которая входила в сознание каждого.

Эллидиан редко сталкивался с мактолеанцами и плохо помнил их внешний облик. Но это ничуть не помешало бы ему распознать, кто перед ним стоит, если бы он простейшим способом обратил пристальное внимание на внешность незнакомки. Ирония судьбы заключалась именно в этом – Эллидиан слишком углублялся в изучение противников, не предполагая, что самое важное находится прямо на виду.

Сквозь густой каскад волос выглядывал широкий лоб, несоразмерно большая голова балансировала на тоненькой шеи, придавая облик хрупкости, смешанной с мощью незримой силы. Слабые мышцы девушки никак не подходили для поддержания металлических доспехов, да и сама голова

казалась непропорционально тяжёлой для худощавой шеи. Верхняя часть черепа слегка расширялась – признак наличия развитого Второго Разума, он давал способность, позволяющей контролировать чужие эмоции и мыслительные процессы.

Эллидиан помнил об этом немного, однако исходя из элементарных знаний легко выстраивалась логика способностей мактолеанцев.

Существует пророчество, согласно которому однажды Второй Разум окончательно победит физическую оболочку мактолеанцев, превратив их в нечто совсем иное бестелесное. Сейчас мактолеанцы уже способны вторгаться в сознание любого разумного существа лишая его свободы выбора и превращать в беспомощную пешку подчинённой чужой воли.

Ко всему прочему, особо опытные и сильные Вторым Разумом мактолеанцы били в эфирное сознание так же быстро, как Эллидиан всегда разил мечом. Теперь чуждая и коварная сущность бесцеремонно вторглась в эфирные потоки духа мечника, пронизывая его ткани острыми коготками.

Выдавить мактолеанку из своего сознания, словно паразита-червя, было возможно, но та оказалась настолько проворной и быстрой, что Эллидиан едва ли мог уловить её перемещение внутри себя.

К счастью, мечника не зря одного отправили на ответственное задание в чужой мир. «Тот, кто полагается на ин-

туацию, лучше всех умеет импровизировать», – так думал Эллидиан и любил в это верить.

Мактолеанка вгрызлась в сплетения эфирных нитей через плотскую суть, мягкую и ранимую, но у Эллидиана было и другое вместилище – его меч. Ардалинг в долю секунды перенёс туда значительную часть своей сущности, проделав для этого огромную эфирную работу. Всего за пару секунд ему удалось слиться с клинком настолько сильно, что он смог на несколько мгновений восстановить контроль над собственным телом. Но при этом Эллиидан в какой-то мере сам стал мечом, мыслил и действовал подобно ему.

– Забери меня проклятье, надо было сразу разорвать её в клочья! – прорычал Эллидиан, будто чужим голосом.

Взор мактолеанки отразил изумление. Она дрогнула, когда багрово-чёрный клинок ожил и рванулся вперёд. Удар был неточным, но воинственную деву задел, пронзив ей левое плечо насквозь. Та, запрокинув голову, завывала разрезанным голосом.

– Орешь, мерзавка?! Громче! Ещё громче! – осклабился Эллидиан и провернул свой клинок в ране соперницы.

Воительница, широко открыв рот начала шипеть, потеряв голос. Сконцентрировав больше эфирной силы в ногах, она спонтанно и необдуманно подпрыгнула назад, проломив собой стекло окна ближайшего дома, и рухнула внутрь помещения.

Не свойственная Эллидиану ненависть стала спадать, ко-

гда мечник стал отрываться от вместилища духа для своего меча. Возвращаясь в собственную оболочку, Эллидиан чувствовал, как его собственный клинок торжествовал победу, удовлетворённо насытившийся свежей энергией и кровью поверженного врага.

Наконец восстановивший полный контроль над собой, мечник покачнулся на ослабевших ногах, опустился на одно колено и устремил взгляд к месту, где стояла мактолеанка. Впервые он позволил себе выпустить оружие из рук. Переход души от одного вместилища к другому требовал множество усилий, которые были потрачены всего за несколько секунд. «Забери меня, проклятье! Надо было сразу послушаться своего клансорийского товарища! В кой-то веке...» – корил себя Эллидиан, но тут же одёрнулся другой мыслью – «мой меч всегда слишком кровожаден и безрассуден, он был прав, но только сегодня». Эллидиан осмотрелся кругом. Мир снова приобрёл привычные очертания. Вновь взяв меч, он выпрямился. Глянув на дом, сквозь разбитое окно которого ранее влетела девушка, Эллидиан почувствовал там её слабое эфирное присутствие.

На пороге дома выбив ногою дверь появилась мактолеанка. В свой последний удар будто ради эффектного появления она вложила последние силы. Тяжело дыша, мактолеанка еле держась на тонких «спичечных» ножках, одной рукой она уцепилась за стену чтобы не упасть, другой зажимала кровоточащее ранение плеча. Сейчас воительница ка-

залась жалкой и бессильной, прежняя уверенность исчезла напрочь. Всё, что она могла теперь делать, – лишь ненавидящим взглядом наблюдать за победителем и... всё ещё движимая остаточной гордыней, неуклюже зашагать навстречу своему противнику.

– Ну... хорошо... сейчас ты сумеет... мена остановит, красав-тчик. – Девушка тут же кашлянула кровью. – Но ни Аванэль, ни даже Килдор тебя не покорится... Ты приди сюда за хранителем? Так знат: Мельфонус уже успел его убить... вырвав его паганный сердца, а ты не успел его спасти...

До самого конца ядовитая мактолеанка метала стрелы острых слов, пытаясь уязвить сердце непоколебимого Эллидиана. Ведь когда та оказалась неспособна ранить своим смертоносным искусством, во всю использовала яд колких высказываний. Однако ардалинг, будто гранитная глыба среди бушующего моря страстей, стоял невозмутимо, спокойно и уверенно, раздражая своей нерушимой выдержкой гордую, израненную хищницу.

Мечник бесстрашно направился ей навстречу, тяжёлыми шагами уверенно пересекая пространство между ними.

– Ну... дават... убить меня! Получи своя... воинский триумфа!

Она вскинула подбородок вверх, гордо принявшись за последний танец перед лицом неотвратимой судьбы. Ноздри раздулись, плечи распрямились, дыхание замерло, готовое прерваться навсегда.

Эллидиан занёс багрово-чёрный клансорийский меч над головой мактолеанки. Сталь сверкнула холодным блеском предвестника грядущей вечности. Внутри девушки трепещущим эхом отозвалось ощущение ледяного острия, проникшего глубоко внутрь души, замораживая каждую клеточку тела. Страх вскипел внутри неё, парализуя разум. Но неожиданно меч скользнул назад, рука Эллидиана медленно опустилась вдоль спины, скрыв оружие в металлических застёжках своего плаща цвета тьмы.

И тогда воин прошёл мимо неё, едва коснувшись её плеча лёгкой случайной встречей. Не было намерений демонстративно подчеркнуть собственное превосходство, не нужно было открыто показывать свою силу и славу победы. Нет, всего лишь привычка идти строго прямым путём вела его дальше, игнорируя преграды, пусть даже если хрупкое тело оказывалось помехой.

Пораженную воительницу вновь захлестнуло мучительное чувство бессилия. Боли вернулись сразу после ухода врага, растекаясь по телу болезненной волной. Ослабевшие ноги подкосились и их хозяйка рухнула на колени, голова склонилась низко, словно бутон сломанного цветка, потерявший всю свою красоту.

Обернувшись, девушка сквозь стон от боли крикнула:

– Ну, что ты... обещат убит и обмануть меня! Лгун! Ты не убит меня, как того обещат!

– Я не давал тебе обещания о смерти, дитя Мактола, –

бросил Эллидиан через плечо, немного замедляя шаг, — а вот убрать тебя с дороги я намеревался и исполнил предупреждение.

Следующую минуту девушка с ненавистью и чувством великого оскорбления смотрела, как воин в иссиня-чёрных доспехах и чуть колышущимся на ветру плаще исчезает из вида.

Внимательно оглядываясь по сторонам, капитан Вейж, как и прежде, не улавливал ничего подозрительного. Осматривая последние постройки очередного чужого места — именно так здесь называли любой закоулок, — капитан уже не рассчитывал найти то, что поможет напасть на след неизвестных пришельцев в городе. Единственное, чем могли довольствоваться капитан Вейж и его солдаты смешанной группы русских и китайцев, была лишь скромная домашняя утварь странной формы и назначения (которую ещё не забрали на исследования), ветхая деревянная мебель, литые сундуки, у которых даже замочной скважины не было, хотя петли имелись. Такие предметы к слову оказались пуленепробиваемыми, и взрывать их не имело никакого смысла. Многие полагали, что литые сундуки скрывают множество тайн и разгадок, поэтому их незамедлительно отправили на изучение.

Ни каких признаков живых обитателей города не оста-

лось, хотя солдаты не раз замечали как на отдельных песчаных дорогах следы исчезали сразу после того, как поднималась нога. Впрочем... эх... как же тяжело было капитану Вейжу, привыкшему жить среди точности и дисциплины, поверить, что он действительно не может найти ни одного следа живого существа в городе исключительно потому, что чтобы их увидеть, нужно мыслить иначе по инопланетному. Может быть, вскрытие пуленепробиваемых сундуков прольёт свет?.. Но Вейж смотрел на это весьма скептически. Весь город сам по себе представлял огромный литой сундук без единого отверстия или щелки, указывающей на наличие крышки, которую можно открыть. А эти петли... Они словно созданы в насмешку над всеми попытками открытия.

Капитан Вейж отбросил мысли о сундуках. Размышления о загадочных предметах затягивали его в бесконечные бесплодные раздумья, и он решил сосредоточиться на чём-то более насущном. «Вероятно, где-то существуют скрытые от глаз потайные ходы», – думал он, или враги, если таковые вообще существуют, укрылись где-то в лесу, а в город выходят лишь ночью.

Именно так рассуждал Вейж, однако Айго Шан наотрез запрещал покидать пределы города. «Всё дело в непонятном свечении, которое могло стать причиной внезапного исчезновения солдат, а затем превращения их в подобие зомби, напавших на собственный лагерь» – это был единственный вывод, кроме нарастающего напряжения среди стана солдат,

считал капитан Вейж. Сам он чувствовал, как нечто похожее медленно проникало и в его собственную душу. Такое ощущение было совершенно непривычным. Даже в голове хладнокровного и рационального Вейжа, русло реки здравомыслия поворачивалось совсем в другом направлении – навстречу водопаду безумия, который отправил в психушку или домой уже с десятков солдат. Но капитан утешал себя мыслью, что до сих пор один русский агент ОГРАС с необычным именем Дэлн, очевидно, подверженный сильному воздействию города еле балансирует на грани безумия. Но его не отправляют обратно домой. Значит, ситуация для самого капитана ещё не столь плоха.

– Капитан Вейж! Разрешите обратиться? – Окликнул солдат из России.

Выбравшись из мрачных мыслей, Вейж усталым взглядом окинул крепкого, подтянутого солдата, стоящего перед ним.

– Говори.

– Мы осмотрели дома и прилегающую местность в «бардовом» районе чужого места, подозрительных следов и иных признаков присутствия нарушителей не обнаружили, – доложил тот. – Но есть кое-что, на что вы, полагаю, захотите взглянуть сами.

– И что же это? – задумчиво спросил Вейж. – Почему вы упомянули слово «бардовый»?

Солдат, ухмыльнувшись, пожал плечами.

– Импровизация, капитан. Здесьние места – разгул для

фантазии. Пойдемте, я вам сейчас всё покажу. Скоро сами поймете.

«Ну, надеюсь, это не очередной литой пуленепробиваемый сундук», – подумал Вейж.

– Сперва мы считали эти руины обычными, – начал солдат, – ничего интересного, но первым делом внимание привлек цвет свечения, которое они испускали, – бардового оттенка. Здесь, конечно, всё светится разными цветами, однако внимательно осмотрев обломки, мы нашли весьма необычную каменную дверь без единого замка и скважины.

– Что тут такого особенного? – спокойно заметил Вейж.

– Возможно, тот факт, что она бардовая, – пожал плечами солдат. – Нам казалось, что эту дверь недавно открывали.

– Это уже интереснее...

Пройдя еще немного вперед, капитан Вейж натолкнулся на многочисленные бардовые каменные обломки, протянувшиеся вдоль улицы на значительное расстояние. Некоторые куски покоились прямо среди полуразрушенных зданий. Он заметил, что чем дальше лежали обломки, тем тусклее становился их бардовый цвет. Разрушенная башня выглядела огромнейшим сооружением, особенно на фоне трехэтажных домов поблизости. Обломки этой громадины погребли целые постройки. Единственным сохранившимся элементом конструкции оказался круглый фундамент большого диаметра, который охватывал несколько улиц одновременно. Этот фрагмент ярко выделялся своим насыщенным бардо-

вым свечением.

В нескольких метрах от основания Вейж обнаружил небольшое строение без окон и дверей, высотой примерно в два человеческих роста. Рядом собрались пять солдат, оживленно беседуя и с интересом всматриваясь во что-то. Они совершенно не обратили внимания на появление капитана. Статуи расположились по всей окружности стены здания представляли женщин в длинных платьях, головы которых склонялись вниз, ладони сложены вместе, словно при молитве. Другие фигуры изображали мужчин в простой матерчатой одежде, поднявших правую руку с выпрямленным указательным пальцем, тогда как левая длань была направлена вниз, пальцы широко разведены.

– Вот она, та самая дверь, – сказал сопровождающий капитана солдат, указывая на стену с большим вырезанным глазом, вокруг него высечено множество рисунков: замки, крепости, люди-воины, одни с расправленными крыльями, другие в облике демонов, также изображены неизвестные капитану деревья, звери, облака, превращающиеся в вершины гор, хотя возможно, это вовсе не горы, а какие-то иные структуры. Казалось, вся стена представляет целый мир. Такая сложная композиция завораживала взгляд, позволяя бесконечно размышлять над сюжетом картины, но капитан сосредоточенно искал именно дверь. Её нигде не видно...

– Где она? – в недоумении спросил он.

Солдат улыбнулся.

– Мы тоже вначале не нашли ничего похожего на вход. Но внимательно осмотрев это маленькое здание, обнаружили вот это.

Солдат провёл пальцем по едва заметной щели в стене, которая тянулась вверх, повторяя очертания глаза, образуя полукруг, потом спускалась ниже.

«Да, действительно, похоже, это каменная дверь прямо в стене», – подумал Вейж.

– Напомни-ка, боец, как твоё имя? – обратился капитан к солдату, рассказывавшему ему о находке.

– Младший сержант Игорь Строганов!

– Любопытно, Игорь, и как же нам её открыть? – задумчиво поинтересовался капитан Вейж.

– Ну... у нас есть взрывчатка направленного действия, – предложил тот, – можно попытаться взорвать эту дверь.

Капитан Вейж внутренне содрогнулся, однако никто из солдат не заметил этой реакции, поскольку тревога возникла не в теле, а в душе. Чуждое ощущение, которое хотелось поскорее отбросить, вынуждало капитана задуматься о сохранении инопланетного рисунка на стене. Ещё больше пугала мысль представить, как полёт осколков уничтожит рисунок целой вселенной. «Какой абсурд!» – резко одёрнул он сам себя.

– Ладно, считаю этот способ приемлемым, – решительно произнёс капитан, подняв подбородок и бросив последний

взгляд на орнаментированную поверхность стены, после чего отступил назад. – Начинайте!

Два китайских солдата, стоявшие немного в стороне от остальных, услышав новость о планируемом взрыве, начали живо перешёптываться, часто беспокойно оглядываясь на высеченный в стене глаз. Недалеко стояли ещё несколько солдат, напряжённо озиравшихся вокруг, у одного из них заметно дрожали пальцы, сжимавшие автомат, будто готовый выстрелить во всякую подозрительную тень. Неведомое чувство отчуждения, уже привычное здесь, усиливалось, а за пределами базы становилось особенно опасным.

Игорь Строганов, один из новичков среди прибывших солдат, оставался не многим из тех, кто всё ещё сохранял способность улыбаться. Солдаты между собой полушутливо прозвали каждое новое пополнение «свежачками».

– Побыстрее бы вы с зарядом управились! – распорядился капитан Вейж, обращаясь к Игорю и другим солдатам, помогавшим закладывать взрывчатку. – Времени у нас совсем мало, скоро сюда придут сменщики, а мы пока ничем не можем похвастаться.

Последняя фраза капитана Вейжа для многих стала как обезболивающее – в глазах многих заблестела надежда поскорее увидеть заветный вертолет, что отправит их куда угодно, лишь бы подальше от давящего со всех сторон города. Но обезболивающее капитана Вейжа действовало не на всех: двое китайских солдат, державшихся от остальных

особняком, продолжали тревожно перешептываться.

– Солдаты! – отчеканил Вейж. – Немедленно доложите, о чём речь!

Военные вытянулись струнами и смолкли. Один из них робко шагнул к капитану Вейжу.

– Вы уверены, что нам надо туда соваться? – осторожно заговорил он на своем родном китайском, поглядывая на Игоря Строганова. – Мне кажется, эта стена непростая... Мой товарищ, – солдат кивнул на стоящего рядом солдата, – Чанпу, утверждает, что это худшее место на свете. Самое чужое, страшное и нам здесь быть никак нельзя. Нельзя заходить в закрытые строения с такими надписями...

– Опять завел свое, Владик! – взорвался Игорь. – Думаете, раз на китайском болтаете, я вас не понимаю? У меня на этот счёт уши как у собаки, – усмехнулся Игорь, – слов не знаю, но по интонации всё понимаю.

– Надписи плохие, там надписи о смерти, – с усилием выдавливал слова Чанпу, показывая пальцем на высеченную над каменным порталом фразу. – Плохие надписи, – убеждённо повторил он.

– Он говорит, что здесь плохие надписи, – сказал Вейж Игорю.

– Да тут этих филькиных грамот полным полно, – ухмыльнулся тот. – Разницы никакой, что нам сейчас нужно? Какой приказ мы выполняем? Каждый день наши солдаты, то гибнут, то сходят с ума, нам велено проверить каждый зако-

улок этого чёртова места, если нужно взорвать и посмотреть, – уверенно заявил Строганов и, выдержав короткую паузу, глядя в глаза Чанпу добавил: – тем более здесь командует капитан Вейж, а наша задача исполнять его приказы. Верно?

Взгляд Игоря скользнул по лицу Вейжа и замер, ожидая ответа. Тот несколько мгновений хранил задумчивое молчание, словно взвешивая невидимые чаши судьбы, но затем медленно кивнул. Его китайские сослуживцы, на чьих лицах промелькнула тень разочарования, с тяжёлым вздохом отступили в сторону, признавая своё поражение.

– Ты я смотрю плохо сходишься с этими ребятами, – негромко заметил капитан. – Объясни, кстати, почему китайского солдата зовёшь русским именем? Насколько помню, такого среди наших быть не должно, если только мой информатор не ошибся.

– Нет, капитан, не ошибся, – отрезал Игорь. – Этого парня зовут Веньян, мы первое время отлично поладили, он знает русский и позволил обращаться к нему по имени Владислав. Мы нашли много общего, пока он не начал мне мозг промывать своими рассказами о городе и другом приятеле – Чанпу, считающем, будто здесь всё проклято. А еще Владик, то есть Веньян, рассказывал, что отец Чанпу пропал именно в таком странном месте много лет назад.

После этих слов Игорь усмехнулся и покосился на озабоченно разглядывавшего багровое здание Веньяна.

– Как по мне, Чанпу попросту сходит с ума, тут таких не мало – продолжил Игорь. – Конечно, вы знаете, о чём я и какое влияние оказывает это место на людей. Сам я здесь всего несколько дней, однако успел привыкнуть спокойно относиться даже к тем, кто ночами палит из пистолета в унитаз, утверждая, что там живет огромная рыба, или целуется со стеной, считая её любимой женщиной. Да-да, вы наверное слышали про чудака который приходил делать предложение руки и сердца стене, которую звал невестой. Его едва удерживали, когда помещали в смирительную рубашку, а потом в санитарный транспорт чтобы отправить домой. Поэтому я думаю Чанпу, сравнительно безобидный сумасшедший по сравнению с другими.

– Так, ты говорил, что его отец знал об этом месте, или похожем на него?– уточнил Вейж, и в его голосе прозвучала сталь.

– Ну... кажется, да, – неуверенно протянул Игорь.

– Хм... интересно, – Вейж нахмурился, и его взгляд стал острым, как лезвие. – Нужно будет с ним потолковать.

– Капитан, – Игорь не скрывал изумления, – неужели и вы верите в эту чушь?

– Я уже не знаю, Игорь, во что здесь вообще можно верить, – признался Вейж, глядя на багровеющее в лучах заходящего солнца здание.

– А я вот не вижу ничего мистического, – фыркнул Игорь.

– Да уж, Строганов, вы тут редкостный свежачок, – ответ-

ствовал капитан.

– Приготовились! – рявкнул солдат заложивший бомбу и, сжимая в руке пульт, метнулся за угол соседнего дома.

Глухой хлопок расколол тишину. Секунду спустя по земле прокатилась дрожь, несколько соседних зданий обвалились. «Странно, что они оказались на столько хлипкими», – подумал Вейж, ведь подрывной заряд был слабым. Над руинами, поднялся багровый клуб пыли, который тут же подхватил и развеял порывистый ветер.

– Ну вот, я же говорил, что ничего страшного, – с наигранной бравадой бросил Игорь и, не оглядываясь на остальных, решительно шагнул к зияющей пасти открывшегося прохода. В его лицо тут же ударила густая, удушливая вонь тлена и сырости, от которой он поморщился и достал из амуниции спец маску.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.